

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

Безрассудная страсть

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Лесия Корнуолл
Безрассудная страсть

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Корнуолл Л.

Безрассудная страсть / Л. Корнуолл — «АСТ»,
2013 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-099654-4

Леди Джулии Лейтон предстояло стать женой богатого герцога – однако она променяла жизнь в роскоши и блеске на одну-единственную ночь любви с красавцем Томасом Мерритом, таинственным незнакомцем, которого повстречала на балу по случаю своей помолвки... Свет не прощает женщинам таких ошибок – и теперь Джулия, брошенная мать незаконнорожденного ребенка, отвергнутая семьей и обществом, влачит жалкое существование компаньонки вдовы. Но спустя некоторое время судьба снова сводит ее с Томасом – и искра бывшего чувства разгорается между ними пожаром неодолимой страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099654-4

© Корнуолл Л., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лесия Корнуолл

Безрассудная страсть

Lecia Cornwall

THE SECRET LIFE OF LADY JULIA

© Lecia Cotton Cornwall, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Лондон, октябрь 1813 года

Вспоминая события бала, посвященного своей помолвке, леди Джулия Лейтон во всем винила шампанское.

Или опьяняющий аромат роз?

Хотя, возможно, все объяснялось тем, что Томас Меррит не был ее женихом. Он был красив и добр, он называл ее прелестной и танцевал с ней вальс. В танце он увлек ее на веранду и решил ее судьбу.

Но в первую очередь она винила себя. Это был идеальный вечер для начала новой жизни – каждая деталь безошибочно исполнена, каждая мелочь предусмотрена. За исключением одной.

Она ждала этого бала двенадцать лет. И дождалась. Вечер оказался незабываемым во всех отношениях.

Джулия была помолвлена с Дэвидом Хартли, герцогом Темберлеем, с того момента, как ей исполнилось восемь лет, а ему – шестнадцать. Разглаживая голубое шелковое платье на появившихся во всех нужных местах аппетитных округлостях, Джулия надеялась, что Дэвид наконец увидит в ней женщину, свою будущую невесту, а не ребенка, живущего по соседству.

Она стала взрослой и красивой – это доказал случайный флирт в Гайд-парке, и с тех пор она не могла думать ни о чем и ни о ком другом. Разглядывая себя в зеркале, она размышляла, что может сказать Томас Меррит о ее платье. Мистер Меррит относился к ней как к женщине, а все остальные – Дэвид, ее отец и брат – продолжали считать ее малышкой.

Спохватившись, она постаралась выбросить мистера Меррита из головы и стала практиковаться перед зеркалом в кокетливой улыбке. Ее она рассчитывала подарить Дэvidу, когда его глаза расширятся от удивления и удовольствия при взгляде на невесту этим вечером. Сегодня Джулия планировала блистать не менее ярко, чем бриллиантовые заколки, которые горничная ловко закрепила в искусно уложенных темных волосах, или знаменитые бриллианты Лейтонов, сверкавшие на ее шее, запястьях и в ушах. Она надела свое обручальное кольцо – сапфир внушительных размеров в окружении жемчужин – на палец в перчатке и еще раз внимательно изучила отражение в зеркале. Ее воспитывали для роли совершенной герцогини, и она определенно выглядела таковой.

– Позволь мне взглянуть.

Джулия повернулась к матери, ожидая ее одобрительного кивка. Если графиня Карриндейл и сочла свою дочь прелестной, то оставила это мнение при себе.

– Думаю, нам лучше спуститься, – сказала она. – Не забывай о благопристойности, Джулия, – добавила графиня, когда девушка устремилась вниз по лестнице, желая поскорее увидеть восторг в глазах жениха.

Но Дэвид не ждал ее у подножия лестницы. Не оказалось его и у двери в бальный зал, и даже в салоне с отцом нареченной.

У Джулии заняло сердце.

– Прекрасно выглядишь, детка, – заметил отец, окинув беглым взглядом бриллианты дочери, словно прикидывая, чья стоимость выше: украшений или их обладательницы. Сразу после этого он отвернулся и взял за руку супругу.

Джулия взглянула на портрет своего брата Джеймса, украшавший стену салона. Бравый военный дружелюбно улыбался ей. Будь он здесь, потрепал бы ее по щеке, поддразнил, сказал, что сестрица очень красива, развеселил бы. Но Джеймс был убит в бою в Испании. Это случилось год назад.

Она почувствовала знакомую боль, встретившись со взглядом нарисованных глаз. Ей не хватало его дружбы, его легкости, его заботы. Ее детство окончилось, когда пришла весть о гибели брата. Сейчас он, наверное, шепнул бы сестре на ухо: «Смелее!» – и сжал ее руку. Пальцы Джулии дрогнули, словно почувствовав воображаемое прикосновение. Джеймс всегда был ее другом, защитником, советчиком. Она ни с кем не чувствовала себя так уверенно, как с Джеймсом, до тех пор пока ей не улыбнулся Томас Меррит. Она опустила глаза на сатиновые перчатки. Он тоже сжал ее пальцы, но ощущение было не таким, как если бы это сделал Дэвид или даже Джеймс. Это прикосновение было интимным, чувственным – ласка мужчины, которую он дарит желанной женщине.

Джулия ощутила, как предательски заалели щеки, и бросила на портрет умоляющий взгляд. Неужели Джеймса ужаснуло бы ее поведение? Нет. Конечно, нет. Брат бы поддержал ее... останься он жив.

Томас Меррит был для нее незнакомцем. Она никогда не встречалась с ним на балах или званых вечерах, и, разумеется, она не имела права разговаривать с ним, поскольку их друг другу должным образом не представили. Будь он истинным джентльменом, он бы прошел мимо, не обратив никакого внимания на то, что она стоит одна в центре Гайд-парка, с трудом сдерживая слезы. Но он остановился, вложил ей в руку носовой платок, чем спас от любопытных взглядов и навязчивых вопросов леди Фионы Барри, главной сплетницы общества.

Возможно, Джулия слишком много болтала о будущей свадьбе, и Дэвиду это явно наскучило. Она попыталась развеселить его, но тщетно. Он заметил в парке каких-то знакомых, остановился, не слишком нежно убрал ее руку, лежавшую на его руке, и отошел.

– Подожди здесь, Джулия, – сказал он. – Мне нужно кое с кем поговорить.

Она схватила его за рукав.

– Я пойду с тобой, и ты познакомишь меня со своими друзьями.

Он окинул ее раздраженным взглядом.

– Я же должна знать, с кем ты общаешься, Дэвид, – настаивала она. – Эти люди могут когда-нибудь прийти к нам в гости, и...

– Дела, Джулия, – перебил он и резко выдернул свой рукав из ее цепких пальчиков. – Будь хорошей девочкой, подожди меня здесь, и я по дороге домой куплю тебе мороженое у Гюнтера.

Она ошеломленно смотрела ему вслед, чувствуя себя надоедливым ребенком.

– Я бы обещал вам бриллианты, – раздался мужской голос за ее спиной.

Обернувшись, Джулия увидела незнакомца, провожавшего Дэвида неприязненным взглядом.

– Прощу прощения? – выпалила она, хотя точно знала, что не должна с ним разговаривать. Ведь он мог оказаться кем угодно.

Но незнакомец ей улыбнулся, его взгляд был теплым и нежным, и у девушки перехватило дыхание.

– Я имел в виду, что за ожидание я предложил бы вам бриллианты или что-нибудь намного более ценное, чем мороженое у Гюнтера, если, конечно, вы не предпочитаете его драгоценностям. Но и тогда бы я не оставил вас в одиночестве в парке, где все мужчины смотрят на юную красавицу с таким откровенным восхищением.

Джулия огляделась по сторонам. В парке действительно было полно любопытных, и все они, безусловно, недоумевали, почему она, леди Джулия Лейтон, находится здесь без сопровождения.

– Все в порядке, – сказал незнакомец. – Считайте меня своим защитником до тех пор, пока не вернется ваш брат.

– Жених, – пробормотала она.

Его брови высоко взлетели к полям шляпы, из-под которой выглядывали темные волнистые волосы.

– Понимаю.

Джулия почувствовала смущение и гнев.

– Неужели? Что же, интересно, вы понимаете, милорд...

– Мистер. Мистер Томас Меррит, – представился он и поклонился. – А вы?

– А я невеста герцога Темберлея, – выпалила она и гордо выпрямилась. Но и при этом она едва доставала ему до подбородка... Ну, может быть, до носа, если учесть высокую, обильно украшенную перьями шляпку. В его глазах плясали веселые искорки. Джулия рассчитывала не на такое впечатление.

– Прощу прощения, герцогиня. Со стороны мне показалось, что вы его младшая сестра, которая его безумно раздражает, или, может быть, кузина, которую его заставили вывести на прогулку. Он обращается к вам как...

– Не ваше дело, как он со мной обращается!

Он осторожно взял ее под руку.

– Нет, мое, как вашего временного защитника. Не могу же я оставить самую красивую леди в этом парке в одиночестве, тем более когда она вот-вот расплачется.

Именно это сказал бы Джеймс, и ей еще больше захотелось плакать. Она моргнула, пытаясь остановить слезы, готовые пролиться.

– Я никогда не плачу!

– Конечно, нет. Может быть, мы пройдем чуть дальше по этой дорожке? Сюда направляется леди Фиона Барри. Говорят, она чует слезы за сотню ярдов.

Джулия в ужасе застыла. Фиона Барри? Это катастрофа. Она сначала все донесет ее матери, а потом и высшее общество узнает, что Дэвида с ней не было, должного сопровождения тоже, зато рядом находился очень красивый незнакомец.

– Улыбайтесь, миледи, – шепнул он, склонившись к полям ее шляпки.

– Не думаю, что у меня получится, – вздохнула Джулия.

– Тогда я заставлю вас улыбнуться, пообещав бриллианты и жемчуга, – сказал он.

– Предпочитаю изумруды, – буркнула она.

Взгляд Томаса скользнул по ее лицу, элегантному зеленому платью.

– Да, теперь я вижу почему. Изумруды, безусловно, вам очень идут, – сказал он низким бархатным голосом. Его затуманившийся взгляд заставил Джулию подумать, что в этот момент он представляет ее в изумрудах и без всякой одежды. Ее бросило в жар, но при этом она не могла не улыбнуться.

– Ну вот. Так лучше, – сказал мистер Меррит, не сводя с нее горящих глаз.

Его глаза были серыми, блестящими и светились мужским восхищением, которого до этого момента Джулия еще ни разу не испытала. Она поняла: детство кончается, когда девушка впервые чувствует на себе восторженный взгляд мужчины. Чувство оказалось очень приятным. На мгновение Джулии показалось, что ее кости стали мягкими, и ей захотелось прикинуться к сильному мужскому телу.

– Доброе утро, Джулия, – сказала Фиона Барри, приблизившись.

Джулия инстинктивно выпрямилась и с трудом оторвала взгляд от красивого лица Томаса Меррита. Фиона рассматривала незнакомца, словно он был пирожным с кремом, а она – голодающей.

– А кто это у нас? Представь меня, дорогая.

– Это мистер Томас Меррит, – молвила Джулия и сама почувствовала, что ее голос звучит по-взрослому – чуть хрипло и очень мягко. – Мистер Меррит, позвольте вам представить леди Фиону Барри, лучшую подругу моей мамы.

Мужчина поклонился и коснулся губами перчатки Фионы.

– Доброе утро, леди Барри. Прекрасная погода для прогулки в парке, не правда ли?
– Вы совершенно правы, – ответствовала Фиона. – Но куда делся Темберлей, дорогая? – спросила она у Джулии. – Твоя матушка говорила, что ты ушла на прогулку именно с ним. Джулия почувствовала, что краснеет. У Фионы был потрясающий нюх на ложь.

– Он только...

– Его отвлекли на минуту, и он попросил меня присмотреть за Джулией, – спокойно проговорил мистер Меррит.

– Понятно. Вы будете на балу по поводу его помолвки в четверг? – спросила Фиона Барри, похоже, не усомнившись в объяснении. Вероятно, ослепительная улыбка красивого мужчины лишила ее обычной подозрительности.

– Нет! – поспешно выпалила Джулия.

– Ни за что на свете не пропущу этого события, – возразил Томас Меррит и, улыбнувшись, едва заметно сжал локоть Джулии.

Фиона заулыбалась, обнажив зубы, словно собака, учуявшая дичь.

– Таких событий действительно не пропускают. Графиня Карриндейл всегда устраивает чудесные приемы, и бал по случаю помолвки ее единственной дочери, безусловно, станет главным событием сезона, которое превзойдут только свадебные торжества. – Она шумно задышала, вероятно, таким образом, выражая восторг. – Я помню тебя еще в детских помочах, Джулия. Мне трудно представить, что ты уже выросла и вот-вот станешь герцогиней.

Джулия снова почувствовала на себе взгляд Томаса Меррита – теплый и оценивающий.

– Прошу меня простить, но я только что вспомнил о назначенной встрече, очень важной, Джулия. – Ее имя в устах Томаса прозвучало сладкой музыкой. – Оставляю вас в обществе леди Барри.

Он поцеловал руку спутницы, и Джулия почувствовала сквозь перчатку тепло его губ. Оно потекло по ее жилам словно жидкий огонь.

– Я получил большое удовольствие, – добавил он, заглянув ей в глаза, и она почувствовала, что он вовсе не кривит душой.

Джулия, как ни старалась, не смогла произнести ни слова. Дар речи на какое-то время ее покинул. А потом Томас Меррит ушел, ни разу не оглянувшись. Его длинные ноги уверенно ступали по гравию, и уже через несколько секунд новый знакомый скрылся за деревьями. Джулия подавила вздох сожаления. Фиона тоже.

Она позволила старой сплетнице пересказать все известные ей слухи, хотя при этом не слышала ни одного слова. Юная красавица почувствовала себя женщиной. Не леди, не невестой герцога и даже не дочерью графа. Женщиной.

Она ощущала тепло во всем теле, словно вышла на жаркое солнце из прохлады дома. И теперь ей хотелось большего.

– Джулия, ты меня слышишь? Пора... Нам всем не хватает Джеймса, но жизнь продолжается. – Услышав голос матери, Джулия поняла, что не сводит глаз с портрета брата, но видит не его, а Томаса Меррита. – Тебя ожидает блестящее будущее, Джулия. Твой сын станет не только герцогом Темберлеем, но и следующим графом Карриндейлом. – Джулии вовсе не хотелось думать, что ее считают всего лишь производителем следующего поколения пэров.

– Темберлей достаточно долго ждал, – добавил отец Джулии, едва взглянув на портрет своего покойного наследника.

Он ни разу не произнес имени Джеймса с тех пор, как пришло сообщение о гибели сына, и, безусловно, был доволен, что наконец дело идет к свадьбе. Торжества из-за траура были отложены, но Дэвида, похоже, это мало огорчало. Джулия объясняла сие обстоятельство тем, что брат жениха Николас служил в одном полку с Джеймсом. Самопожертвова-

ние ее брата спасло много жизней. Джулия, конечно, гордилась им, но желала бы, чтобы он нашел другой способ защитить товарищей и оказался рядом с ней в столь серьезный момент ее жизни.

Джулия расправила плечи и вскинула голову. Она теперь женщина, леди, будущая герцогиня. Она может и будет рассчитывать только на себя. Она последний раз взглянула на портрет Джеймса и решительно выбросила из головы образ Томаса Меррита, его внимательные глаза, чарующую улыбку. Очень скоро она прочитает те же чувства во взгляде Дэвида.

– Я готова.

Она следовала за родителями в бальный зал, ярко освещенный множеством свечей. Сверкали драгоценности, блестели военные регалии, искрилось шампанское, а ее обручальное кольцо было ярче всего.

Дэвид даже не заметил ее появления. Он увлеченно беседовал с группой джентльменов и не обратил внимания на подошедшую Джулию, слегка раздосадованную его невниманием. Тем более на балу в честь их помолвки.

– Добрый вечер, – проговорила она и присела в реверансе.

Джентльмены поклонились.

– О, привет, Джулия. – Дэвид рассеянно улыбнулся и коснулся губами лба невесты братским поцелуем.

Дэвид не сказал, что она прелестно выглядит. Его глаза не вспыхнули восхищением – ничего подобного не произошло. Он почти сразу отвернулся от невесты и обвел скучающим взглядом зал. Взяв у проходящего мимо лакея бокал, он сделал глоток, даже не подумав предложить шампанского даме. Джулия сама взяла бокал, и брови Дэвида удивленно приподнялись. Похоже, он продолжал считать, что она еще слишком мала, чтобы пить вино.

Графиня взглядом указала Дэвиду, что их место рядом с ней – они должны встречать гостей вместе. Дэвид взял у Джулии бокал, поставил его на поднос вместе со своим и предложил ей руку.

– Пойдем? – Он подвел невесту к матери и остановился рядом, сцепив руки за спиной.

Джулия, проследив, как сливки общества спускаются по лестнице, словно вторгшаяся в их дом орда, глубоко вздохнула и изобразила на лице приветливую улыбку.

Леди Даллин ворвалась как ураган, осмотрела сквозь лорнет ожерелье Джулии, сухо пожелала ей счастья и удалилась в дальний угол зала в поисках чего-нибудь более интересного.

Лорд Даллин похлопал Дэвида по спине и сказал, что рассчитывает на карточную игру, после того как «со всей этой шумихой будет наконец покончено». Джулии показалось, что гость считает помолвку досадной помехой приятному вечеру, а вовсе не причиной его. Дэвид, черт бы побрал его совсем – это было любимое ругательство ее покойной бабушки, – смотрел на Даллина с явным одобрением, которого так и не дождалась сама Джулия. Если путь к сердцу будущего супруга лежит через карточный стол, ей придется до свадьбы научиться играть в карты. Мать, конечно, не одобрит этого, но разве у нее остается выбор?

Дэвид не любил ни поэзию, ни музыку. Он не читал и не охотился. Но ведь вечерами в замке Темберлей им придется чем-то заниматься! Слегка покраснев, она подумала о том, чем могут заниматься мужчина и женщина в спальне. Но ведь она была невинной девушкой, и ей еще никто никогда ничего не говорил о физических аспектах брака. Да и сама она начала думать о них лишь после того, как однажды заглянула в потрясающие серые глаза Томаса Меррита.

– Дэвид, мама разрешила мне сегодня танцевать вальс, – сказала она, прижавшись к жениху самым несестринским образом, какой она могла позволить себе в бальном зале своих родителей.

Он похлопал ее по руке и безразлично улыбнулся.

– Я не умею вальсировать, Джулия.

У нее оборвалось сердце.

– Тогда, может быть... – Джулия осеклась. Решив, что лучше всего держать язык за зубами, она с приветливой улыбкой повернулась к следующему гостю... И ее сердце пропустило удар.

– Томас Меррит, – представился вошедший низким голосом, словно они никогда не встречались. Он поцеловал ей руку – и даже сквозь перчатку Джулия ощутила тепло. А его глаза были полны томного интимного понимания. Огонь в этих глазах заставил ее сердце забиться с удвоенной силой. Гость улыбнулся. Его улыбка была опасной и обещала блаженство. Прядь темных волос упала на лоб Томаса, и Джулии пришлось собрать все силы, чтобы справиться с желанием поправить ее. Томас сделал это сам – изящным и одновременно небрежным жестом – и отошел.

Он был самым красивым мужчиной из всех, кого ей когда-либо доводилось видеть. Причем воображение вовсе не сыграло с ней злую шутку. Он был именно таким, каким запомнился ей с первой короткой встречи. Глаза Джулии скользнули по его высокой фигуре – широкие плечи, обтянутые черным фраком, длинные сильные ноги. Уж он-то, вероятно, танцует вальс.

Томас обернулся и заметил, что хозяйка бала смотрит ему вслед. Джулия залилась краской и испуганно пискнула, когда он ухмыльнулся.

– Извини, я не понял, – сказал Дэвид, взглянув на нее сверху вниз.

– Нет, ничего, – с трудом выдавила она, схватила еще один бокал шампанского и сделала большой глоток, изо всех сил пытаясь успокоиться. Пузырьки оказались почти такими же возбуждающими, как грешная улыбка мистера Томаса Меррита.

Краем глаза она наблюдала за ним. Он не направился в гостиную, где шла карточная игра, и не присоединился к другим гостям. Вместо этого он беззаботно прислонился к стене, оставаясь в поле ее зрения, и стал с явным интересом посматривать на виновницу торжества. Самообладание моментально покинуло Джулию. Неожиданно платье показалось ей слишком тесным, вырез – чрезмерно низким, а комната – душной.

Она послала в его сторону уничтожающий взгляд, который должен был осадить наглеца. Но несносному Томасу Мерриту хватило дерзости ей подмигнуть. Джулия почувствовала, как в животе что-то затрепетало, колени грозили вот-вот подогнуться. Она развернула веер и спряталась за ним.

Быть может, он пришел, чтобы потребовать обратно свой носовой платок? Он лежал наверху, спрятанный на дно ящика комода.

– Стой прямо! – прошипела мать.

Джулия застыла, будто проглотила аршин. В это время музыканты заиграли вальс, и Дэвид рука об руку с лордом Даллином удалился в гостиную, предвкушая партию в бридж.

– Думаете, эти двое снимут на лето дом у моря? – спросил кто-то за ее спиной голосом тихим, исполненным сарказма.

Джулия обернулась и увидела Томаса Меррита, провожавшего глазами Дэвида и лорда Даллина.

– Могу я пригласить вас на танец? – спросил он и протянул руку, словно не сомневался в согласии партнерши.

Джулия заколебалась. Что-то в этом человеке пугало ее. Ей хотелось отказать ему и, безопасности ради, спрятаться за спину матери. Но она уже взрослая женщина. И лучшим подтверждением тому был его горящий взгляд.

– Спасибо. – Она приняла его руку и позволила увлечь себя в центр зала.

Он вальсировал превосходно.

– Должен сказать, вы очень красивы, – сообщил он, словно понимая, как нужен ей этот комплимент. В точности так же ей нужен был защитник в парке. Похоже, выручать ее входит у него в привычку.

– Спасибо, – повторила Джулия. Она остро чувствовала тепло его руки, обнимавшей ее за талию. Оно проникало сквозь шелк и кружева. Странно, но вполне пристойное прикосновение этого мужчины казалось ей интимным, даже, пожалуй, неприличным, словно они были наедине. Его глаза на мгновение опустились на ее грудь, после чего он снова взглянул ей прямо в глаза.

И Джулия почувствовала себя красивой, ощутила свою женскую силу.

– Интересно, его светлость понимает, как ему повезло? Мне не дает покоя этот вопрос с нашей первой встречи.

– Разумеется, – с долей ехидства выпалила она и почувствовала, что ее бросило в жар.

– Вы краснеете? Скромно! Женщина обязана знать себе цену. – Его взгляд задержался на ее драгоценностях. – Я не имею в виду стоимость ваших украшений. Бьюсь об заклад, вы помолвлены очень давно. Договоренность между родителями? Герцог ведет себя так, словно вы уже давно женаты. . .

– Мы знаем друг друга с тех пор. . . всегда, – проговорила она задыхаясь. Ну почему каждое слово, которое ей удается выдать в разговоре с этим мужчиной, звучит словно детский лепет?

Томас Меррит прищурился.

– Всегда – это очень долго. Полагаю, когда постоянно смотришь на знакомого человека – неважно, насколько он красив, – перестаешь ощущать его прелесть.

Именно так. Дэвид всегда будет воспринимать ее как ребенка, который вырос рядом с ним. Она представила себе, насколько неловкой будет их первая брачная ночь, и споткнулась.

Мистер Меррит подхватил ее, поднял и несколько мгновений кружил, прежде чем ее туфельки опять коснулись пола. Эти мгновения показались ей бесконечными, поскольку ее грудь оказалась прижатой к его мускулистой груди, и Джулия ощутила биение его сердца. Еще одно спасение?

Она почувствовала головокружение.

– Вы раскраснелись, миледи. Быть может, вам не помешает глоток свежего воздуха? – спросил Томас, указав взглядом на открытые, от пола до потолка, французские окна, ведущие на террасу.

Джулия всмотрелась в бархатную темноту весеннего вечера. Она должна отказаться. Такое поведение не соответствует правилам, которым ее учили с детства. Но ведь она взрослая женщина. Почти замужняя. Поэтому она кивнула и позволила ему увлечь ее в вальсе на террасу.

– Хотите шампанского? – спросил он, отошел и сделал знак лакею. Взяв с подноса два бокала, один он протянул ей.

Она какое-то время наблюдала, как весело искрятся в лившемся из зала свете танцующие пузырьки.

– Выпьем за ваше счастье?

– Я счастлива.

– О, я ни секунды в этом не сомневаюсь, – проговорил Томас тоном, не оставлявшим сомнений в том, что на самом деле он очень даже сомневается, и более того – уверен в обратном.

– Дэвид, он. . . – Джулия не знала, что сказать. Какой он? Добрый, титулованный, сильный? Она вспомнила прозвище, данное ему покойной бабушкой: «Дэвид Зануда».

– Я знаю: он красив, богат, безопасен.

– Безопасен? – Джулия заметила, как озорно блеснули глаза спутника. Он засмеялся.

– Забавно, что именно это слово – из трех – привлекло ваше внимание.

– Ну, первые два, конечно, тоже к нему относятся. И он действительно в безопасности.

Кто может причинить ему вред?

Томас наклонил голову.

– Я имел в виду, что он безопасен как муж. Никогда не выкинет ничего неожиданного, тем более шокирующего. – Томас сделал глоток. Джулия впиалась взглядом в его горло над воротником рубашки, словно хотела проследить, как двигается внутри хмельная влага. Кожа мужчины казалась темной по сравнению с белой тканью.

«Дэвид Зануда» – снова вспомнила она, отпила еще шампанского и спросила:

– Чего, например? – Вероятно, вино придало смелости девушке.

Он долго смотрел на нее, потом медленно поднял руку и погладил ее по щеке, провел пальцем по нижней губе...

– Например, он никогда не увлечет вас в танце на террасу, чтобы украсть поцелуй. Я мечтал об этом с нашей первой встречи в Гайд-парке. Кстати, мне кажется, безопасны даже его поцелуи. Они заставляют вас гореть?

– Я... – Джулия хотела ответить, что не его дело, как Дэвид ее целует, но поняла: на самом деле не знает этого. До сих пор он лишь несколько раз легко касался губами ее щеки или лба. А его губы всегда были холодными. Она уставилась на красивый рот Томаса Меррита. Интересно, каково это – целоваться с ним. Она была вынуждена признаться себе, что эта мысль занимает ее в течение последних двух дней куда больше, чем должно.

Томас поднял бокал шампанского и долго вглядывался в искрящийся напиток.

– Когда мужчина целует женщину, она должна чувствовать, что в ее жилах мерцают звезды. Даже если он просто касается губами ее губ, она должна чувствовать его поцелуй каждой клеточкой своего существа. – Он подошел ближе и наклонился к ней. – Вы так себя чувствуете, когда вас целует его светлость? Задыхающейся, разгоряченной, желанной?

Неужели поцелуй на самом деле может вызвать все эти чувства? Неожиданно ей до боли захотелось поцеловать мужчину, который никогда и ничем не напоминал брата. Или жениха.

Джулия подняла голову и встала на цыпочки.

– Покажите мне, – попросила она.

Томас не стал дожидаться повторного приглашения. Он взял ее бокал, поставил на перила и потянулся к ее губам. Его губы были теплыми. Джулия чувствовала запах шампанского, одеколона, которым он пользовался, его кожи. Все ее тело затрепетало, и так сильно, что даже пальчики на ногах поджались. Джулия схватила его за руки.

Он не отстранился. Его губы завладели ее ртом... О боже!

Она коснулась дрожащими пальцами его лица, потом решительно привлекла его ближе и ответила на поцелуй.

Томас лизнул ее губы, и она удивленно отпрянула. Но он просто переключил ее внимание, начав покрывать поцелуями ее щеки, подбородок, шею, и кожа Джулии, там, где ее касались эти потрясающие губы, вспыхивала огнем. Она запрокинула голову, давая ему молчаливое разрешение продолжать. Звезды над их головами вспыхнули ярче.

Томас обнял девушку за талию и привлек к себе. Она обхватила его шею и прижалась всем телом. Он коснулся губами нежного местечка за ухом. Джулия тихо ахнула и задрожала. Ее глаза были полуприкрыты, но это не мешало ей видеть звезды.

Он снова завладел ее губами, чуть-чуть прикусив нижнюю. Джулия судорожно вздохнула, и ее сомкнутые губы разжались. Их языки коснулись друг друга. Джулия почувствовала вкус шампанского. Она прильнула ближе, удивляясь, как идеально подходят их тела. От него шел жар, проникавший под ее платье. Больше! Она жаждала большего. По наитию она

стала энергично двигать языком. Томас тихо застонал, его руки скользнули вверх, обхватив ее голову и шею. Джулия откинулась назад, дав ему возможность углубить поцелуй.

Она чувствовала себя задыхающейся, разгоряченной и желанной.

В ее мозгу возникла мысль – в той его части, которая еще могла думать, – что нужно немедленно вернуться в зал. Но она не могла не целовать его. Непонятно, как она до сих пор жила без его поцелуев. Она даже не догадывалась, что можно испытывать столь восхижительные ощущения. Это было как первый глоток шампанского, головокружительный аромат летних ягод, только что сорванных в саду, сладость меда... Вероятно, именно это имела в виду бабушка, рассказывая ей романтические истории о поцелуях, которые дарил принцессе в башне возлюбленный, осмелившийся забраться к ней в окно по виноградным лозам. Понятно, что все это бабушка рассказывала ей очень тихо, чтобы, не дай бог, не услышала мама.

Томас отпрянул, и прохладный вечерний воздух частично вернул ей рассудок. Джулия открыла глаза и в упор уставилась на него. Он не отвел глаз и молча смотрел на нее, шумно дыша, словно запыхавшись от долгого бега.

– Думаю, нам лучше остановиться. – Его голос был на целую октаву ниже, чем раньше. Здравый смысл вернулся в одночасье, словно на Джулию выплеснули ведро холодной воды. Ей должно быть стыдно! Ведь в нескольких футах отсюда многочисленные гости танцуют, празднуя ее помолвку с другим мужчиной.

«Скучным герцогом Дэвидом».

Джулия не знала, что сказать. Губы все еще покалывало, тело горело, несмотря на ночную прохладу.

– Я пойду в зал. Вам лучше остаться и вернуться через несколько минут. – Сказав это, он обернулся, оглядывая толпу в поисках любопытных глаз. Слишком поздно ему пришлось в голову, что их могут заметить. Дэвид, возможно, вызовет его на дуэль и пристрелит за все вольности, которые он позволил с его невестой. Любопытно, ее он тоже пристрелит?

Хотя он слишком занят игрой в карты.

Мистер Меррит поклонился и отошел. Почти сразу он оказался в луче, высветившем медные пряди в его темных волосах, очертившем силуэт высокого стройного тела, которое лишь несколько мгновений назад прижималось к ее телу. Он бросил через плечо на нее еще один взгляд, полный сожаления, и исчез.

Джулия прижала руку к губам. Они были мягкими и припухшими.

Ей необходима холодная ванна.

Джулия подхватила юбки и поспешила по террасе к французским дверям, ведущим в библиотеку. Проскользнув внутрь, она прижалась лбом к стеклу. Комната была темной и пустой. Свет с улицы, проникавший в окна, расчертил пол длинными золотистыми прямоугольниками.

Сердце немного стихло. Библиотека – место покоя и размышлений. Где-то за тяжелыми двойными дверями продолжался бал. Джулия слышала смех, голоса и музыку. Она подошла к зеркалу, но в темноте ничего не смогла разглядеть. Ей казалось, она стала другой. Возможно, она выглядит распутной? Она ощупала прическу – нет ли выбившихся прядей, потрогала припухшие губы, щеки, еще горевшие в тех местах, где он ее касался.

Конечно, она стала другой. И произошло это в тот момент, когда она впервые увидела Томаса Меррита, а теперь...

Джулия присела на краешек кресла. От него пахло сигарами и маслом для волос, которым пользовался ее отец. Она еще раз проверила прическу. Вроде бы все в порядке. Сейчас ей придется вернуться в зал и вести себя как ни в чем не бывало. И пусть сердце продолжает биться о ребра, как попавшая в клетку птица.

Она испуганно подпрыгнула, когда дверь открылась.

Свет из зала на мгновение ослепил ее. Кто там? Ее ищет мать? Или Дэвид? Знают ли они, чем она занималась в темном саду с Томасом Мерритом? Ее охватило чувство вины. Будь что будет. Она выслушала множество поучений именно в этой комнате, стоя на ковре перед столом отца. Она сцепила руки за спиной, как это делала обычно, и приготовилась принять последствия, какими бы они ни были.

Томас Меррит вошел в библиотеку лорда Карриндейла и остановился, дожидаясь, пока глаза привыкнут к мраку. Он явился на этот роскошный бал по единственной причине, которая никак не была связана с желанием поздравить жениха и невесту.

Встретив Джулию Лейтон в парке, он понятия не имел, что она дочь Карриндейла. Он увидел всего лишь красивую расстроенную леди, нуждающуюся в помощи. Ему следовало пройти мимо, но, сам не зная почему, он этого не сделал. Он не мог уйти, заметив слезы в ее глазах. А когда Фиона Барри назвала имя девушки и упомянула бал в честь помолвки, который он намеревался посетить анонимно, ему следовало воспринять это как предостерегающий знак.

С этого момента все пошло не так. Во-первых, на графине не было роскошной тиары, которую он собирался украсть. Значит, она, вероятнее всего, находится в сейфе. С другой стороны... Он взглянул на скрытый в тени портрет мрачного графа Карриндейла и ухмыльнулся: «Я целовал твою дочь».

Это была еще одна проблема – роскошные губы леди Джулии. В первую очередь он заметил на ней потрясающее ожерелье и серьги, но потом разглядел женщину, на которой все это было надето, и драгоценности лишились своей привлекательности. Она была даже красивее, чем запомнилась ему после встречи в Гайд-парке.

Идиот! Он не был вором по призванию, не находил это занятие легким, и отвлекающие моменты сильно мешали.

Томас не был мужчиной, способным удовлетвориться простым поцелуем. Даже интересно, как далеко он зашел бы, не останови его глас рассудка. А если бы его увидели обнимающим Джулию? Что бы сделал Карриндейл? Вызвал стражу? Или приказал сразу утопить его в грязных водах Темзы? Граф определенно не захотел бы, чтобы она вышла замуж за такого негодяя, как он, когда она – нареченная герцога.

Он мог гордиться своей родословной, хотя до герцога все же не дотянул. Точнее сказать, мог бы гордиться, если бы брат не отрекся от него за грехи. Теперь он просто мистер Меррит, человек, идущий по жизни самостоятельно, не имеющий семейных уз, которые могли бы помочь ему или помешать. После этого приключения у него останется только памятный поцелуй, возможно – украденная тиара и одна из бриллиантовых сережек Джулии – сувенир на память, – которая лежала в его нагрудном кармане.

Он нервно облизнул губы, подавляя желания достать ее и рассмотреть. Он никогда не целовал таких женщин, как Джулия Лейтон. Она не была богатой вдовой, скучающей замужней леди из общества, молочницей или дамой полусвета. Томас искренне удивился глупости Темберлея, не понимавшего, какое сокровище ему досталось. Неужели мужчина в здравом уме может не видеть прелести этой женщины. Нет, такого не бывает. Они были помолвлены много лет. И теперь ему наверняка не терпится уложить ее в постель.

Томас тряхнул головой, отгоняя неприятные картины. Лучше уж поискать сейф, а в нем...

Тихий шелест шелка застал его врасплох.

Из тени вышла Джулия. Почувствовав страх, моментально сменившийся радостным удовольствием, Томас прирос к полу.

– Как вы узнали, что я здесь? – спросила она. – Я думала...

Он знал: она думала, что он ушел с бала и больше они никогда не увидятся. Он бы так и поступил, останься у него хоть капля рассудка. Она сожалела бы о потерянной сережке

дольше, чем о нем. Неожиданно бриллиантовая вещица показалась невероятно тяжелой и оттянула его карман. Он чувствовал ее, прижатую к груди, как библейский грех.

«Не укради». Красть нельзя ни бриллианты, ни поцелуи.

Но человек же должен что-то есть.

Томас ощутил легкий аромат ее духов – он остался на его одежде и сохранится надолго. Фиалки. Это был сложный необычный запах для такой молодой женщины. Он намекал на сокровенные глубины, тайны. Обычно юные особы предпочитали лавандовую или розовую воду.

– Я... – Томас, похоже, лишился дара речи. Он взглянул на маленький пейзаж, висевший на стене за ее спиной. Не исключено, что за картиной – сейф. По непонятным причинам такие люди, как Карриндейл, всегда прячут сокровища за произведениями искусства. Вероятно, другие места кажутся им недостаточно надежными. Но едва ли он мог сейчас подойти к стене, снять картину и спросить у Джулии код.

Томас полагал, что в иных обстоятельствах джентльмен – или даже негодяй вроде него, останься у него хоть капля разума, – должен был поклониться, пошутить относительно своего случайного появления в этой темной комнате, сказать, что заблудился, и уйти.

Но он не мог отвести глаз от ее изящных шеи и плеч, слабо освещенных тусклым светом из окна, темной ложбинки в вырезе платья, призрачным мерцанием ткани. Сверкание бриллиантов меркло по сравнению с блеском ее глаз. Томас стиснул зубы.

– Я... – Он сделал еще одну попытку что-то сказать, но девушка вздохнула и бросилась к нему. Он едва успел распахнуть объятия и поймать ее. Губы Джулии прижались к его губам, и все началось по новой.

Томас не внимал голосу рассудка. Он хотел Джулию Лейтон. И даже не мог припомнить, когда, оставшись наедине с женщиной, был не в силах контролировать ситуацию. Он никогда не терял голову от страсти. Женщины всегда были для него средством, позволяющим достичь цели – физического удовлетворения или материальной выгоды. Он дарил им удовольствие, брал то, что хотел, и уходил раньше, чем они успевали опомниться.

Но с Джулией все было иначе, и он не мог объяснить почему. Возможно, потому, что она для него – запретный плод. Она принадлежит другому мужчине. Или все дело в желании украсть то, что нельзя получить иначе? Да нет же, нет. Просто она не такая, как все. Настоящая леди – красивая, доверчивая, невинная, неосознанно обольстительная. Поцелуем в темном саду она заставила его кровь вскипеть, а теперь...

Томас отчетливо понимал, чего она хочет.

Его.

Пожалуй, это не спасение. Это добыча. Она тихо постанывала, прижимаясь к нему всем телом. Томас подхватил девушку на руки, отнес к мягкому кожаному дивану, уложил ее, а сам лег сверху. Теперь он чувствовал такое же отчаянное желание, как она. Ее руки – довольно сильные, надо сказать, – обхватили его за плечи. Его окутал аромат ее духов, он был околдован ее страстными поцелуями. Она позволила ему поднять ее юбки, провести кончиками пальцев по шелковистой коже бедер...

Пальцы Джулии неумело возились с пуговицами его рубашки, но замерли, когда он осторожно раздвинул рукой ее бедра и почувствовал влагу и жар.

– О! – простонала она, когда он принялся ласкать нежные складки и маленький, но необычайно чувствительный бутон плоти, даря ей наслаждение, о существовании которого она даже не подозревала. Страстные стоны он заглушил поцелуем.

Одной рукой Томас расправлялся с застежкой панталон, продолжая целовать девушку. Он никак не мог насытиться.

Джулия ахнула, когда он вошел в нее, и застыла под ним. Она оказалась тугой... слишком тугой...

Нервничает, но это понятно. Надо было запереть дверь. Но теперь уже слишком поздно. Он, конечно, проявил беспечность, но был не в силах контролировать себя, не мог остановиться. Впрочем, она и не просила его об этом. Она схватила его за плечи – ее ногти впились в плоть, он чувствовал это даже сквозь одежду.

Томас долго не продержался. Один последний сильный толчок, и он излил семя, одновременно почувствовав удовольствие разрядки.

Ошеломленный, он навалился на нее и поцеловал, все еще оставаясь внутри ее. В темноте он не видел выражения ее лица.

Что, черт возьми, он натворил?

Он скатился с нее, отвернулся, вытерся носовым платком и привел в порядок одежду.

Джулия села и тоже стала поправлять платье, одновременно обнаружив, что ее прическа безнадежно растрепалась.

– О! Моя сережка! То есть мамина сережка! Она полдня будет изводить меня нотациями о безалаберности, неосторожности и... – Джулия расхохоталась.

– Что вас рассмешило? – спросил Томас.

– Безалаберность и неосторожность! – выпалила она, и ее смех почти сразу стих. – Я не должна была...

Он тоже не должен был. Не здесь. Не сейчас. Ставки слишком высоки. Томас не мог себе позволить уйти отсюда с пустыми руками, с одним лишь воспоминанием о любовнице, которая все же заставила его что-то почувствовать, пусть даже на одно мгновение. Бриллиант в его кармане будет кормить его неделю, тиара Карриндейла – месяц, а ожерелье Джулии – полгода.

Она стала искать потерю на полу, и Томас едва не сдался. Он взял девушку за руки и притянул к себе, чтобы отвлечь. Но в нем снова вспыхнуло желание. Да в чем дело? Что с ним не так? Он никогда не позволял чувствам становиться на пути выживания! По правде говоря, до этого момента он даже не знал, что способен на какие-то чувства. Он нежно поцеловал ее – прощальный поцелуй. Джулия отстранилась.

Он приготовился к слезам и обвинениям, но она только сказала:

– Вам следует уйти. Французские окна ведут в сад, а там у конюшни – ворота на улицу.

– Да, – не стал спорить он.

– Я пойду наверх и пошлю к маме горничную сказать, что у меня болит голова.

О Темберлее не было сказано ни слова. А заметил ли герцог ее отсутствие, которое длилось не меньше часа? Он взглянул на часы, стоящие на каминной полке.

На самом деле меньше часа.

Томас, как мог, поправил сбившийся галстук и склонился над ее рукой. Пальчики Джулии на мгновение сжали его руку – словно она не хотела отпускать его. Он осторожно высвободился и ушел.

И дома заметил на носовом платке кровь. Какой идиот! Леди Джулия Лейтон была девственницей.

Глава 2

Томас, не обращая внимания на дождь, ждал неподалеку от Карриндейл-Хауса, пока не увидел, как Джулия вышла, села в экипаж и уехала. Он последовал за ней на Бонд-стрит, видел, что она зашла в лавку модистики. Через окно он наблюдал, как она примеряла платье из синего, как сапфир, шелка. Модистка набросила на ее темные волосы кружевную вуаль, и Томас ощутил горечь во рту. Свадебный убор. Он сжал кулаки и отошел в сторону, намереваясь дожидаться ее появления.

– О, леди Джулия, счастлив вас видеть, – произнес он беззаботно, как будто случайно столкнулся с ней на улице. Он заметил, как ее бледные щеки заалели словно розы, а в глазах страх боролся с любопытством.

Она присела в реверансе и повернулась к горничной:

– Подожди меня в экипаже. Я вернусь через минуту. – Когда служанка удалилась, она тихо спросила: – Что вы здесь делаете?

– Я нашел вашу сережку, – сказал он, взял ее руку в перчатке и положил на ладонь изящную драгоценность. Никакого другого повода снова увидеться с Джулией он не смог придумать, как ни старался. Пришлось вернуть украденное. Ну... половину украденного. – Она оказалась в моей одежде... – Девушка метнула на него взгляд, полный ужаса, и Томас замолчал. – У вас все в порядке, миледи? – негромко спросил он, борясь с желанием погладить ее пылающие щеки.

Джулия взглянула на сережку и сжала кулачок.

– Благодарю вас.

Ему хотелось сказать ей множество самых разных вещей: извиниться, предложить руку и сердце, признаться в чувствах, которые не имеет права испытывать. Это забота, восхищение, привязанность...

– Когда-нибудь я окажу вам ответную услугу, – сказала она.

– Я хотел узнать... – Но Джулия слегка наклонила головку, и даже если румянец выдавал ее смущение тем, что произошло между ними в темноте в библиотеке ее отца, то лицо не выражало ничего, кроме вежливого интереса. В точности так же она смотрела на Фиону Барри в парке. В конце концов, он ей совершенно не нужен. Эта девушка сильнее, чем кажется. Он почувствовал восхищение. Она станет потрясающей герцогиней.

Томас взял ее за руку и проводил к экипажу.

– Когда венчание?

– В январе. В часовне замка Темберлея.

У дверей экипажа Томас отпустил ее руку и поклонился.

– Тогда я желаю вам всего хорошего, – сказал он. – И, главное, счастья.

Джулия опустила глаза.

– Я... – Томас видел, как она судорожно сглотнула и не сказала того, что собиралась. – Спасибо вам, – с трудом выдавила она.

Он поцеловал ей руку и почувствовал, как ее пальцы на мгновение напряглись. После этого он сразу ушел, изо всех сил противясь желанию оглянуться. Какое бы будущее его ни ожидало, в нем не было места для леди Джулии Лейтон.

Глава 3

Лондон – Брюссель, август 1814 года

Это больше не ее дом – просто Англия, подумала Джулия, стоя на палубе судна и наблюдая, как туман, накрывший побережье, окутывает меловые скалы. Белое на белом. Тело исчезает под саваном.

Вполне уместно, подумала она, поскольку обесчещенная леди мертва почти для всех, кто знал ее в лучшие времена. Отец, услышав о грехопадении дочери, отрекся от нее и сказал друзьям, что она умерла. Это он настоял, чтобы она покинула не только его дом, но и страну, потому что не пристало порядочным людям видеть ее призрак, разгуливающий по Мейфэру, и чувствовать необходимость задавать неудобные вопросы.

Нет, так действительно лучше: жизнь с чистого листа, новая биография – только ее собственная.

Джейми у нее на руках заворочался и принялся махать пухлыми ручонками на чаек, круживших в небе. Джулия нежно поцеловала сына и передала его няне – та поспешила уйти с малышом с палубы, прячась от пронизывающего ветра. До Антверпена еще несколько часов. Джулия понимала, что тоже должна уйти вниз, но осталась на месте, подставляя лицо соленому ветру и глядя на исчезающий вдаль берег.

Ее родители ни разу не спросили о ребенке, которого она назвала в честь своего брата Джеймса, гордости семьи. В иных обстоятельствах Джейми стал бы наследником деда, графом Карриндейлом, но теперь его будущее было туманным. Впрочем, ее будущее тоже.

Все могло обернуться гораздо хуже, подумала Джулия и крепче стиснула поручень. Ее судьба была все же не такой ужасной, как Дэвида, убитого на дуэли через некоторое время после того, как она разорвала их помолвку и призналась, что ждет ребенка от другого мужчины. Она не знала всех обстоятельств дуэли. Подробности были похоронены вместе с Дэвидом, став еще одной семейной тайной. Его застрелил не Томас Меррит. Джулия наотрез отказалась назвать имя своего любовника, да и все равно мистер Меррит уехал из Англии через несколько дней после их мимолетной встречи и задолго до того, как она узнала о своем положении. Она навела осторожные справки о нем. Оказалось, что его имя довольно хорошо известно и часто является объектом сплетен. Во всяком случае, он не из тех мужчин, которые бросаются на помощь дамам в бедственном положении. И все же Джулия не могла винить его одного. Она закрыла глаза. Сколько же несчастий принесла ее глупая жажда поцелуя. Этот поцелуй погубил не только ее жизнь. Она старалась выбросить Томаса Меррита из головы, забыть его навсегда, но не могла.

– Добрый день.

Обернувшись, Джулия увидела майора лорда Стивена Айвза. Его плащ распахнулся, открывая взгляду красный военный мундир, яркий, словно кровь, на фоне серебристого тумана.

Джулию охватило волнение. Такой же мундир был на ее брате. Значит, лорд Айвз из того же полка королевских драгун. В таком мундире Джеймс погиб как герой, и только благодаря его храбрости она не осталась совсем без друзей.

Николас Хартли, брат Дэвида, поддерживал ее. После гибели Дэвида он отказался от офицерского чина в королевском драгунском полку и унаследовал титул. Вернувшись в Англию, он пришел повидать Джулию, так же озадаченный неожиданной дуэлью Дэвида, как и она. Николас, один из немногих, не бросил в нее камень. Они дружили с детства, были как брат и сестра. Он нашел для нее дом, акушерку и няню, а когда отец Джулии настоял, чтобы дочь уехала из страны, устроил знакомство с майором лордом Айвзом, дав шанс на пристойную работу.

Теперь она была компаньонкой сестры лорда Айвза, Доротеи Халлам, нанятой, чтобы сопровождать брата и сестру в поездке из Англии. Стивен был дипломатом и направлялся на мирные переговоры в Вену. Сестру, недавно овдовевшую, он взял с собой. Люди благородные и деликатные, они не донимали Джулию расспросами о разразившемся скандале. Да и у нее не было больше сил удовлетворять чье-либо недоброе любопытство. Пришло время наконец встать на ноги и решить, как она и ее сын будут жить дальше.

– Вы уже когда-нибудь покидали Англию? – спросил лорд Айвз. Он тоже остановился у поручней, но держался на некотором расстоянии. Неужели это навсегда? Респектабельные люди будут воздерживаться от прикосновения к ней и даже не станут подходить слишком близко, вероятно считая скандал заразным? Лицо Стивена Айвза было бесстрастным, но вовсе не отчужденным.

– Нет, я никогда не путешествовала, но слышала много рассказов о дальних поездках, – ответила она.

– Конечно же, от вашего брата? – спросил он с вежливой улыбкой.

– От бабушки. – Джулия сделала короткую паузу. – А вы, милорд? Когда-нибудь судьба заносила вас дальше Испании? Война – нелегкий способ посмотреть мир. – Однажды она наберется смелости и спросит у него, как погиб Джеймс, но пока она еще слишком мало знала лорда Айвза и еще не освоилась с ролью платной прислуги. Когда-то она занимала более высокое положение, чем он, на социальной лестнице – дочь графа, невеста герцога, – но теперь она не была ему даже ровней.

Он всмотрелся в ее лицо, вероятно оценивая, насколько искренен ее интерес. Джулия не отвела глаз.

– Да, война – сложное время для путешествий. Я видел Португалию, Испанию и Францию глазами солдата, в основном в руинах после боев. – Он сухо улыбнулся. – Теперь я увижу Париж и Вену в роли дипломата. Уверен, это будет намного приятнее, если, конечно, все другие посланники согласятся прилично вести себя на переговорах.

– По крайней мере, там не будет пушек и сабель, – сказала Джулия.

– Мы больше не враги, но пока еще и не друзья. Война слов может принести не меньший вред, чем война орудий.

Это она хорошо понимала. Бабушка Джулии по материнской линии когда-то была замужем за дипломатом и путешествовала вместе с ним. Она узнала, что такое протокол, придворные манеры и как вести себя в присутствии королей. Джулия почувствовала, как поджались пальцы на ногах. Втайне перспектива пройти по стопам леди Арабеллы будоражила ее воображение. Быть может, она встретит пиратов, султанов и королей? Королей уж точно – ведь, кажется, все коронованные особы Европы собираются принять участие в мирных переговорах.

На палубу вышла горничная, присела в реверансе перед лордом Айвзом и обратилась к Джулии:

– Леди Доротея зовет вас, мисс Лейтон. На море она чувствует себя очень плохо. – Девушка плотнее завернулась в шерстяную шаль, стараясь защититься от ветра.

– Тогда не буду отвлекать вас от ваших обязанностей, – сказал лорд Стивен.

Джулия последовала за горничной в каюту. Она так и не привыкла к столь простому обращению – «мисс Лейтон», – хотя пора бы. Она уже давно не леди Джулия. Следует запомнить: она оплачиваемая компаньонка леди Доротеи Халлам.

Эти обязанности вовсе не были обременительными. Она немного знала Доротею раньше, в более счастливые времена: ее супруг Мэтью тоже служил в полку королевских драгун. Они посещали одни и те же гостиные, танцевали на одних балах. Но мужа и новорожденного сына Доротеи унесла лихорадка – бедняжка и сама едва не умерла. Горе сделало

ее затворницей, и лорд Стивен не захотел оставлять сестру одну, принимая новую должность. Поэтому наняли Джулию, чтобы составить ей компанию.

Джулия знала: брат надеется, что поездка в Вену поможет Доротее окончательно выздороветь и воспрянуть духом.

Она открыла дверь в каюту Доротей. Вторая горничная подняла на вошедшую благодарный взгляд, сунула ей в руки чистый таз и отправилась выливать содержимое другого. Доротея была бледна как туман на улице, и ее постоянно тошнило.

Джулия положила на лоб страдалице холодную салфетку.

– Эта посуда утонет? – простонала Доротея, стиснув руку Джулии. – Скорее бы. Смерть не может быть ужаснее, чем морская болезнь.

Джулия потеряла руки несчастной и улыбнулась.

– Мы уже совсем скоро прибудем в Антверпен.

Доротея опустила на подушки и устала на низкий потолок каюты.

– Ты помнишь последний бал, на котором танцевала? – спросила она.

– Да, – негромко ответила Джулия. Уж этого бала ей точно никогда не забыть.

– А я не помню. – Доротея вздохнула. – Знаю, я, наверное, танцевала с мужем и, вероятнее всего, была очень счастлива, но не помню ничего примечательного о том вечере. Боюсь, скоро забуду все мелочи, подробности нашей совместной жизни.

– Комната была наполнена цветами, и все пили шампанское, – напомнила Джулия.

Цветы и шампанское – обязательный атрибут любого бала.

Доротея слабо улыбнулась.

– Да, разумеется. Я танцевала с Мэтью и смеялась какой-то его шутке. – Она нахмурилась. – Что же он тогда сказал? Я должна была запомнить каждое слово...

– Он сказал тебе, что ты очень красива, – вздохнула Джулия.

– Да! Думаю, на мне было то голубое шелковое платье, которое ему так нравилось!

– Ночь была теплой, и он принес тебе шампанское на террасу, – продолжила Джулия, думая о другой ночи и другом мужчине.

– Разве? – озадаченно переспросила Доротея.

Джулия взглянула на нее с непоколебимой уверенностью во взоре.

– Конечно.

– Полагаю, он так и сделал. – Доротея задумалась. – Все балы так похожи. Мне бы хотелось как следует запомнить хотя бы один, о котором я потом могла бы думать. Наш последний вальс. Последний ужин вместе. Все случилось так быстро. И почти сразу наступил конец. Мэтью пожаловался, что у него болит голова, и малыш капризничал. А потом я изо всех сил старалась удержать в них жизнь, но не смогла. Я почти ничего не помню о том дне. Как и обо всех последующих...

– Все изменится, – уверенно заявила Джулия. Доротея вспомнит все, когда будет к этому готова. А пока, судя по ее измученному лицу, она не справится с тяжестью воспоминаний. Лорд Стивен предупредил Джулию, что здоровье его сестры стало очень слабым. Она пристрастилась к лаудануму, чтобы забыться, и лекарство оставило от нее одну лишь тень. Джулия поменяла на лбу больной влажную салфетку, Доротея прошептала имя мужа, и ее снова начало тошнить.

Спустя несколько часов лорд Стивен перенес сестру – все еще очень слабую и бледную до синевы – на берег и посадил в экипаж.

– Осталось несколько часов, дорогая, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. – На ночь мы остановимся в Брюсселе.

Доротея откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Он помог Джулии забраться в экипаж.

– Слава богу, вы нормально перенесли морское путешествие, мисс Лейтон.

Компаньонка укутала колени Доротеи пледом.

– Абсолютно нормально.

Он закрыл дверцу, и экипаж тронулся с места.

– Где ребенок? – едва слышно спросила Доротея.

Джулия озадаченно воззрилась на нее. Кого она имеет в виду? Своего малыша? Или Джейми?

– Джейми с няней в другом экипаже, – после паузы ответила она. Ее сын. И Томаса Меррита. Она отбросила мысль о нем. Она во многом раскаивалась, вспоминая ту ночь, но ни разу не пожалела о появлении у нее Джейми. Этот маленький мужчина – любовь всей ее жизни.

Доротея, не открывая глаз, сжала в руке часы, которые носила прикрепленными, как брошка, к платью. В них были миниатюрные портреты мужа и сына. По ее щекам покатались слезы. Губы женщины зашевелились – она молилась.

– Мы будем в Париже примерно через неделю, – сообщила Джулия. – Я обязательно куплю себе новую шляпку.

Доротея нахмурилась.

– Я не стану никуда выходить в трауре, но уверена, что Стивен проводит тебя куда пожелаешь.

У Стивена Айвза наверняка будет много служебных обязанностей, и если ему захочется прогуляться по городу, он предпочтет другую компанию, подумала Джулия. А если там кто-нибудь знает о ее позоре? Не следует забывать, что теперь ее место – в тени. Лорд Стивен и так проявил к ней неслыханную доброту, обеспечив работой. И она не должна злоупотреблять этой добротой. Общественное мнение как бешеная лиса: один укус – и спасения нет. Лорду Стивену надо думать о карьере и репутации.

– В Париже состоится праздник Святого Людовика. Его отмечает весь город – будут приемы, вечеринки, даже фейерверки. Лорд Стивен захочет, чтобы ты это увидела, – сообщила Джулия, стараясь придать своему голосу убедительности.

– Все равно нас там никто не ждет. Встречать будут герцога Веллингтона. А нас никто не заметит. Не думаю, что я смогу вынести такую нагрузку. – Доротея сжала губы. – Я не хочу никуда выходить и ни с кем встречаться. Мне лучше отдохнуть и подлечить нервы. Стивен сказал, что до Вены несколько недель пути.

– Тогда подумай хотя бы об ожидающих нас приключениях, – усмехнулась Джулия.

– Плохие дороги, отвратительная еда, комковатые матрасы, вши, – буркнула Доротея. – Я никуда не выйду, пока мы не доберемся до Вены, да и там... – Ее голос стих.

Убедившись, что Доротея уснула, Джулия облегченно вздохнула. Что ж, это к лучшему. Компаньонка – или падшая женщина – не должна веселиться на празднике. Да и ей лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что приключения могут иметь опасные последствия.

Глава 4

Париж

Томас Меррит смотрел на свою партнершу по танцу, супругу английского барона. Она была болтлива, не в меру кокетлива и готова к приключениям во время своего короткого визита в Париж. Теперь, когда война закончилась, город был буквально наводнен английскими леди. Стремление узнать все о последних парижских модах так и манило их на другой берег канала, и они прибывали ежедневно – толпами.

Он взглянул на открытые двери, которые вели на террасу. Белые газовые занавески покачивались на ветру, словно предлагая ему увлечь партнершу в вальсе в ночную темноту. Мимолетное поглаживание по щеке, отвлекающий поцелуй, и она даже не заметит, что на ней больше нет драгоценностей. По крайней мере, пока не вернется домой. И она никогда не узнает, кто лишил ее побрякушек. Томас всегда был осторожен и не брал слишком много: одну сережку или браслет, – словом, то, что можно легко потерять в такой вечер, когда женщина танцует, флиртует и целуется с красивым незнакомцем в темном саду. Он никогда не забирал все драгоценности, которые были у дамы, и даже старался не трогать самые роскошные вещи. Это было опасно. Кто-нибудь мог вспомнить его имя или тот факт, что он танцевал с жертвой ограбления и рано ушел. Он брал ровно столько, чтобы хватало на оплату жилья, еду и одежду. И не более того.

Сегодня бриллиантовый браслет дамы станет достаточной добычей. Пусть оставит себе массивное рубиновое кольцо, которое она осмелилась надеть в Париж – нашла куда, ей-богу, – где рубиновые ожерелья все еще ассоциируются с ужасами революции и красными ожерельями другого рода, оставленными гильотиной.

Занавески призывно колыхнулись, и он в вальсе вывел даму из жаркого бального зала в прохладу летнего вечера. Томас чувствовал аромат роз – настоящий, – который был тоньше и приятнее, чем его имитация в духах баронессы. Он глубоко вздохнул и продолжил вальсировать, пока они не оказались в укромном месте, вполне пригодном для того, чтобы украсть поцелуй и бриллианты.

Томас не колебался ни минуты. Он склонился к ней для поцелуя, услышал ее слабый протестующий писк – очень слабый, почти неслышный, – и баронесса решительно обняла его за плечи и всем телом прижалась к нему.

Он нежно погладил ее щеку, незаметно избавив от одной сережки, которую тут же убрал в карман.

– Чудесный вечер в такой приятной компании становится еще прекраснее, – сказал Томас, легко касаясь кончиками пальцев ее обнаженных плеч.

В результате его прикосновений плечи и руки женщины покрылись гусиной кожей, которую он ощущал в темноте. Он наклонился, чтобы поцеловать ее еще раз, и его чувствительные пальцы коснулись застежки изящного браслета. Баронесса восторженно ахнула – его смелость ей явно импонировала.

Вместо того чтобы нежно прижаться к нему, она схватила его обеими руками за лацканы фрака и дернула на себя. Томас ощутил укол страха: неужели он выдал себя? Он оставил в покое браслет и с трудом подавил желание оттолкнуть партнершу, перепрыгнуть через ограждение в сад и сбежать. Вместо этого он улыбнулся, лаская ее руки и запястья.

– Приходи ко мне в комнаты, – пробормотала она, прикрывая глаза и возбужденно дыша. – Я заплачу тебе.

Теперь он действительно сделал шаг назад, шокированный столь откровенным предложением платы за услуги. О браслете он в праведном гневе забыл.

– Думаю, вы меня с кем-то перепутали, миледи.

Ее глаза открылись, страсть их покинула, сменившись холодной пронизательностью.

– Разве? Ты привлекательный мужчина, но манжеты твоей рубашки обтрепаны. Полагаю, ты принадлежишь к аристократической семье, обедневшей в тяжелые времена. Не сомневаюсь: тебя интересуют мои деньги, ведь я значительно старше тебя. Мой муж никогда не улыбается мне так, как ты, даже в мой день рождения. Так что же тебе нужно от меня, кроме денег?

Она была старше его на все двадцать лет, и Томас пришел в ужас. Неужели женщина, годящаяся ему в матери, предлагает ему деньги за любовные утехы?

Нет, так низко он еще не пал! У него есть честь, принципы, манеры. Он скосил глаза на свои манжеты. Рубашка сшита из полотна высшего качества, но... да, манжеты слегка поизносились. А как же иначе? Он заказывал ее уже много месяцев назад. Что ж, по крайней мере раньше у него была честь. Просто, как выяснилось, честь не кормит.

Томас мысленно послал даму к черту и поклонился.

– Как я уже сказал, вы меня с кем-то перепутали, мадам. Я недавно в Париже и был рад встретить соотечественницу. Если у вас сложилось превратное мнение обо мне, прошу меня извинить. А теперь позвольте пожелать вам доброй ночи. – Он повернулся и ушел. Женщина не окликнула его и не пошла за ним. Она смущена? Злится? Он надеялся, что так оно и есть, поскольку был охвачен теми же чувствами. Он сбежал по ступенькам в сад и вышел через боковые ворота на улицу.

Ее серьга жгла тело через одежду словно стыд.

Подгоняемый гневом, Томас быстро шел по улице. Его каблуки звонко цокали по бульварной мостовой. Ему нужна более приятная компания. Чтобы отдохнуть душой, ему совершенно необходимо увидеться с Миллисент Карлайл. Она проводила лето в Париже с мужем, и они уже несколько раз встречались. Миллисент была молода, а ее муж стар. К тому же ее отношение к жизни было таким же, как у Томаса. Главное – это удовольствие, а что будет завтра – неважно. Вечерами, когда ее муж посещал парижские бордели, она приглашала Томаса к себе поужинать. Это были простые отношения, без требований или неудобных вопросов. Они пили шампанское в ее будуаре, смешили друг друга и заканчивали вечер в постели. Миллисент плевать хотела на обтрепанные манжеты. С нею он чувствовал себя легко. С нею он забывал, что стал вором, негодяем и лжецом.

Сегодня она прислала ему записку, пригласив в гости, пока муж будет отсутствовать. Разве Томас мог отказаться?

Он негромко постучал в дверь гостиничных апартаментов, как это делают английские любовники. Французские любовники скребутся в дверь, и Томас не хотел, чтобы дама его с кем-нибудь спутала.

Миллисент открыла дверь, одарила его зазывной улыбкой и распахнула пеньюар, желая показать, что под ним ничего нет. Сегодня она явно не была настроена болтать или пить шампанское. Вот и хорошо. Умница, Миллисент. Облегченно вздохнув, Томас обнял любовницу и избавил от тонкого шелкового одеяния, после чего прижался губами к теплой обнаженной коже.

Женщина оттолкнула его и сморщила носик:

– От тебя пахнет розами! Как ты мог прийти ко мне от другой женщины?

Вот они, назойливые духи баронессы. Томас заставил себя небрежно ухмыльнуться.

– В Париже лето, дорогая. Розы в цвету. Должно быть, по пути сюда я задел розовый куст. Или два.

– И даже не подумал сорвать один цветочек для меня?

Женщина подвела его к стоящей в углу ширме и указала на таз и кувшин.

– Смой, пожалуйста, запах, иначе всю ночь меня будут мучить подозрения. Воспользуйся моим мылом. Оно с жасмином.

Она подошла к кровати и вольготно раскинулась на ней.

– Поторопись.

Томас слышал, как она вздыхает и нетерпеливо ерзает на простынях. Он тщательно вымыл лицо и шею, и аромат этой женщины вытеснил запах предыдущей. Как же он докапался до этого – сын и брат графа?

Его лишили наследства, вот как. И ирония судьбы заключалась в том, что он, не отличавшийся пуританским поведением, был совершенно непричастен к тому греху, в котором его обвинил брат. Молодая супруга брата, новая графиня, стояла перед мужем, широко распахнув прекрасные глаза, и не сказала ничего, позволив Томасу взять на себя вину за ее распутство. Тогда он в последний раз, если не считать встреч с Джулией Лейтон, поступил по-джентльменски.

Он застыл, когда дверь в апартаменты открылась.

– Джонатан! – воскликнула Миллисент. – Ты вернулся!

– Разве в Париже считается преступлением, если муж приходит домой рано? – полюбопытствовал он, и Томас замер в ожидании: сейчас спросит жену, почему она лежит в постели обнаженной. – Ты ждала меня?

– Я только что приняла ванну, – сообщила она, – и собиралась ложиться спать.

– Тогда я присоединюсь к тебе. От меня пахнет розами?

Миллисент издала короткий нервный смешок.

– В Париже лето. Розы в цвету, – сказала она, подражая интонации Томаса.

Тот слышал шорох одежды лорда Карлайла, который быстро раздевался, глухое ворчание. Услышав ритмичный скрип кровати, Томас закатил глаза и приготовился ждать.

Он хорошо помнил ночь, когда брат распахнул дверь в его спальню и обнаружил там полураздетую Джоанну. Томас лежал в постели. Он только что проснулся, разбуженный ее приходом, но брат, естественно, заподозрил худшее. Он не стал ждать объяснений – не желал их. А Джоанна не произнесла ни слова. Томас вспомнил, как она на следующий день пришла к нему – со слезами на глазах – и купила его молчание своими сережками. На самом деле это были серьги его матери, а еще раньше они принадлежали его бабушке. Эдвард подарил ей их на свадьбу. Она могла и не беспокоиться. Он все равно бы промолчал – из соображений чести – но серьги почему-то взял.

Лорд Карлайл за ширмой глухо застонал, напомнив Томасу, что, по крайней мере в этот раз, он действительно виновен, хотя и не пойман. Пока.

Он огляделся по сторонам в поисках возможного укрытия и аккуратно застегнул рубашку. Здесь было много крючков для одежды, медная сидячая ванна и умывальный столик. Рядом с ванной лежало три куска жасминового мыла и стояла фарфоровая шкатулка. Томас несколько секунд внимательно смотрел на нее, и, покончив с пуговицами, открыл. Там было несколько украшений, в том числе пара простых сережек с гранатом и жемчугом. Он взял одну из них – прощальный сувенир. Она позволит ему заплатить за бутылку шампанского. Или две.

Держа фрак в руке, он на цыпочках вышел из-за ширмы. Седовласый лорд героически пыхтел над своей молодой женой. У него было большое красное родимое пятно на широкой спине. Увидев Томаса, женщина испуганно округлила глаза. Тот послал ей воздушный поцелуй, осторожно открыл дверь и выскользнул в коридор.

– Две сережки? И это все? К тому же они разные!

На следующее утро Томас неохотно открыл глаза и недовольно уставился на своего камердинера.

Патрик Донован сморщил нос.

– Ты провонял духами. Что это за цветок?

– Жасмин, – пробормотал Томас. – Или роза. Приготовь мне ванну.

– Непременно, – проворчал Донован. – И как можно быстрее.

– Ты можешь сломать сережки и продать только камни. На завтрак хватит.

– Опять хлеб, сыр и оливки? – Донован поморщился. – Мне не хватает полноценного английского завтрака. Бифштекс, бекон...

– Ну и отправляйся в Англию, – отрезал Томас.

– И оставить тебя здесь? Да тебя же сразу повесят за преступления, если, конечно, какой-нибудь обманутый муж раньше не всадит тебе пулю между глаз или между...

– Кажется, в этом месте я должен сказать, что ты значишь для меня намного больше, чем простой слуга? – Томас откинул простыни и сел, свесив ноги. Постельное белье определенно издавало резкий запах каких-то цветов. Ему не слишком нравились духи, в которых некоторые дамы, похоже, купались: роза, лаванда, ландыш, гардения, жасмин. По его мнению, искусственный запах был насмешкой и над цветком, и над дамой.

За исключением фиалок. Фиалковые духи пахли как сад после дождя. Их аромат был сладким, невинным, искушающим. Он потер глаза, стараясь не допустить даже мысли об одной женщине, которая благоухала фиалкой. Милая Джулия Лейтон была леди до кончиков ногтей. Теперь она, наверное, уже замужем, стала герцогиней и забыла о нем. Он мог бы побиться об заклад, что именно в это время она наслаждается настоящим английским завтраком. У него даже слюнки потекли – при мысли о женщине, а не о бифштексе.

Томас встал и направился к ванне, чтобы смыть с себя запахи обеих его несостоявшихся любовниц. Больше он не увидит этих женщин.

Он мылся, пока Донован услужливо готовил принадлежности для бритья. С серебряных ручек и кожаного футляра еще не стерлось изображение герба семьи Томаса. Он много раз закладывал их и снова выкупал, но так и не смог избавиться от них окончательно. Эти вещицы напоминали ему о днях, когда он и представить себе не мог, что докатится до такого существования.

Он тщательно побрился, а Донован в это время вынул камни из оправы и поднес к свету.

– Бриллиант хорош. Жемчуг тоже. Надо было брать две сережки.

– Против правил, – проговорил Томас, еще раз проведя бритвой по щеке.

– Против твоих правил, – недовольно буркнул Донован. – Нам нужно ожерелье или тиара, а лучше и то и другое, если ты хочешь положить этому конец.

– Все кончится, когда я так решу, – сказал Томас и зашипел, обнаружив, что порезался. Донован протянул ему полотенце.

– Это ты всегда ищешь лучшей жизни, а не я. Ну ладно, я вернусь через час, поскольку торговаться здесь не из-за чего.

Томас оделся и подошел к открытому окну. Перед ним раскинулась панорама Парижа, который превозносили как самый великолепный город Европы, где есть все, что нужно человеку, если только он обладает деньгами, хитростью или правильными друзьями.

Он был хитер, иногда – при деньгах, а вот друзей, за исключением Донована, не завел. Он уже достаточно долго пробыл в Париже и не мог дождаться отъезда. Но куда отправиться? Проблема. Он не мог вернуться в Лондон, не интересовался путешествием по Европе, посещением курортных городов Германии. Да, он был бездомным, как дворняга.

Мимо проехала карета – копыта лошадей весело стучали по мостовой. Выпрыгнув из окна, он мог бы оказаться на крыше этого экипажа, одним ударом сбить с места кучера и дать деру. Доскакать до моря, сесть на первый пароход...

Он часто играл в такую игру. Мир расстилался перед ним как географическая карта: ткнул пальцем в любое место – и поехал. Но дело было в том, что теперь ему никуда не хотелось.

Отвернувшись от окна, Томас взял газету. Она была довольно старой. Донован настаивал, чтобы они следили за лондонскими новостями, на случай если власти выйдут на их след и им придется бежать, или в тщетной надежде, что брат Томаса простит его и позовет домой. Или в одночасье упадет за смерть, оставив наследство. Донован все еще верил в чудеса. Томас – нет.

Он стал лениво перелистывать страницы. О ней – ни слова. Он много месяцев не брал в руки газет, боясь наткнуться на заметку о свадьбе леди Джулии Лейтон. Но теперь Томас искал хоть какие-то сведения о ней в светских новостях. Их не было. Неужели Темберлей с досады запер ее в каком-нибудь отдаленном поместье? Интересно, что она сказала мужу в брачную ночь? Хотя не исключено, что он ничего не заметил. Томас закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстала она, ее глаза, затуманенные страстью. Он услышал ее тихие вздохи, почувствовал неповторимый аромат – роскошный, доводящий до безумия запах фиалок.

Он негодяй. И дурак.

Он хотел увидеть ее снова, даже после того как она ясно дала ему понять, что не нуждается в нем.

И теперь, когда ему давно следовало забыть ее, он позволил дать волю чувствам, которых мужчина в его положении не мог себе позволить. Он не имел никаких прав на Джулию Лейтон. Но как бы он ни старался убедить себя, что она использовала его для удовлетворения минутного каприза, страсть не покидала его.

Томас решил уехать из Лондона, когда обнаружил, что уже пятую ночь подряд стоит напротив дома Карриндейла и смотрит на ее окна. Нет, иначе ему не удалось бы избавиться от этого наваждения. Он уехал в Париж в тот самый день, когда газеты объявили о поражении Наполеона.

Порыв ветра сдул газету со стола. Томас поймал ее и вернул на место.

Его внимание привлекло объявление. Это было приглашение, такое же, как те, что он получал по почте, когда еще был виконтом Мерритомом, сыном уважаемого графа и почти женихом дочери пэра. Австрийский император адресовал его всем коронованным особам и дипломатам Европы. Из текста явствовало, что в Вене состоится мирный конгресс и пройдет великолепное празднество, посвященное окончанию шестилетней войны. На конгрессе будут разделены захваченные Наполеоном земли и рассмотрен вопрос о возврате – или нет – бесценных произведений искусства, драгоценностей и недвижимости, награбленных Бонапартом.

Коронованные особы и драгоценности. Томас довольно ухмыльнулся. Похоже, это будет даже слишком просто. В ажиотаже не обойдется без десятков, даже сотен воров. Несколько крупных вещей – и он освободится от постылого ремесла. Томас нахмурился. Или воровство – его крест? В любом случае судьба давала ему шанс. Правда, верилось в это с трудом.

Вернулся Донован, неся под мышкой две бутылки шампанского.

– Пакуй вещи. Мы едем в Вену, – приказал Томас.

– В Вену? Но ты же не говоришь... на чем они там, в Вене, говорят! Ты и по-французски едва изъясняешься.

Томас показал слуге объявление в газете.

Донован прочитал, и его зеленые глаза зажглись весельем.

– Когда все это закончится, я куплю ферму в Ирландии. Буду разводить лошадей.

– Мы разойдемся, – с готовностью согласился Томас, – богатыми.

– А куда отправишься ты? – спросил Донован, когда Томас откупорил первую бутылку шампанского. Пена пролилась на стол, и он поспешно убрал газету.

– В Италию, – отозвался Томас, пробуя шампанское. – Или, возможно, в Индию.

Но его голос звучал неубедительно.

Глава 5

Брюссель

Стивен наблюдал, как Джулия Лейтон помогает его сестре выбраться из экипажа. Доротея была бледна после долгого путешествия и тяжело навалилась на Джулию, которая никак не отреагировала на неудобство и лишь старалась заслонить собой свою подопечную от порывов холодного ветра. Стивен постарался подавить в себе чувство восхищения ее добротой.

В конце концов, это ее работа.

Он понятия не имел, чего ждать, когда согласился взять в компаньонки Доротее падшую женщину. Если верить сплетням, Джулия Лейтон родила ребенка от человека, имя которого так и не назвала. Причем сын был зачат на балу, посвященном ее же помолвке. Стивен иногда ловил себя на том, что всматривается в личико малыша, дабы установить личность отца. Но младенец выглядел как все другие малыши, даже его собственный племянник, умерший сын Доротеи.

Стивен согласился взять ее в порядке одолжения другу – Николасу Темберлею. Ну, двум друзьям, если не забывать о долге перед погибшим Джеймсом Лейтоном. Стивен понимал, что эта особа может являть собой угрозу его карьере. Подумать только: как дипломат может взять женщину сомнительного поведения на конгресс столь высокого уровня? Немыслимо! И все же она здесь, и он украдкой наблюдал за ней, пытаясь распознать печать порока. Пока она ничем себя не выдала, но это еще ничего не значит. Она вполне могла доказать, что он еще больший идиот, чем сам себя считал. Когда они доберутся до Парижа, ее наверняка узнают. Как только в обществе станет известно, что в его доме живет падшая дочь Карриндейла, с карьерой можно будет попрощаться. Он в душе порадовался, что Доротея отказалась посещать с ним официальные мероприятия. Это означало, что и компаньонка будет проводить время дома.

Он помнил и о том, что Джулия Лейтон, вероятнее всего, не в силах управлять физической страстью. Чего можно ожидать от нее? Станет ли она соблазнять его? Стивен нахмурился. Надо быть начеку.

Не то чтобы она предпринимала подобные попытки... нет. Джулия – воплощение приличий, воспитанная дочь пэра и относится к нему с холодной вежливостью. Она могла стать блистательной герцогиней, но с благодарностью приняла роль служанки. Стивен досадливо вздохнул. Он снова не мог не восхищаться ею, а она пока не заслужила этого чувства.

Начался дождь, неожиданный ливень, и Доротея, оказавшись в ледяном потоке, громко вскрикнула. Джулия сразу набросила ей на плечи свой плащ и быстро повела к гостинице, следя, чтобы ее подопечная не поскользнулась на мокрых булыжниках.

Стивен напомнил себе, что теперь не его дело помогать сестре, и отошел под карниз, чтобы оттуда следить за разгрузкой багажа. Грузчики синхронно повернули головы и посмотрели вслед Джулии, промокшее платье которой облепило тело, продемонстрировав длинные изящные ноги.

Стивен почувствовал тревогу, с которой с трудом справился. Нет, он должен отослать ее обратно, прямо сейчас, пока они еще не встретились с остальными английскими делегатами. Но ведь он обещал дать ей шанс. И не может поступить подло.

Он дал слово Николасу. Джеймс Лейтон тоже знал Николаса и отдал свою жизнь, чтобы их спасти. Джеймс был героем, а его сестра приобрела печальную известность. И то, что она здесь, – попытка Стивена отдать долг погибшему воину. Но если Джулия не оценит его благого порыва, он будет вынужден с позором отправить ее домой. Эта особа не должна рассчитывать, что репутация брата спасет ее дважды.

И еще одно обстоятельство тревожило Стивена. Сестренка недомогала с тех самых пор, как Мэтью и их крошечный сын умерли. Стивен опасался, что один только взгляд на сына Джулии вернет ее к состоянию безумия, в котором она пребывала первое время после трагедии. Он не знал, сможет ли сестра когда-нибудь вернуться к нормальной жизни.

Доротея немного знала Джулию и раньше, до того как их жизнь изменилась, и она явно ей нравилась. Она сразу согласилась, чтобы Джулия стала ее компаньонкой в путешествии в Вену, не задав ни одного вопроса. Он ей ничего не рассказал о скандале, не зная, как изложить эту историю такому нежному и деликатному созданию. Он был уверен, что Доротея смотрела на ребенка и Джулию рядом с ним, но не замечала его. Для нее он был невидимкой. Вероятно, Стивен должен испытывать безмерную благодарность к Джулии, поскольку без нее не смог бы отправиться в путешествие. Доротею ни при каких условиях нельзя было оставлять в Лондоне одну.

Джулия довела Доротею до дверей и передала горничной. К немалому удивлению Стивена, она накинула свой промокший плащ и вернулась во двор, чтобы проследить за выгрузкой багажа Доротеи. Джулия решительно настояла, чтобы первым делом выгрузили и доставили в комнаты пуховую перину Доротеи: бедняжка нуждалась в немедленном отдыхе.

Она стояла под дождем, не обращая внимания на собственное состояние, и Стивену стало еще труднее бороться с чувством восхищения. Чем больше он на нее смотрел, тем меньше видел падшую женщину. Перед ним была леди, промокшая до нитки, но продолжавшая улыбаться. Он оставил свой пост под карнизом, вышел под дождь, невольно ахнул от пронизывающего холода и зашагал к Джулии. В конце концов, здесь говорили только по-французски, и, вполне возможно, ей нужна помощь.

Джулия отдавала приказы, как истинная герцогиня, и делала это на превосходном французском. Он остановился и снова стал наблюдать. Ей подчинялись беспрекословно. Более того, стремясь выполнить ее приказы, слуги смело выбегали под дождь.

– Вы прекрасно говорите по-французски, – сказал он, и Джулия с вежливой улыбкой обернулась.

Мокрая, она выглядела еще прелестнее: хрустальные капли на темных ресницах, влажные губы.

– Благодарю, – ответила она. – Бабушка настояла, чтобы мне дали хорошее образование, в том числе...

Беседу прервал громкий крик носильщика. Тяжелый сундук выскользнул из мокрых рук и упал с крыши экипажа. Стивен схватил Джулию за плечи и увлек в сторону, невольно прижав к себе. Это было сделано как раз вовремя. Сундук рухнул в грязь на то самое место, где за несколько секунд до этого стояла Джулия. Брызги испачкали ее юбки, но она не обратила на них внимания, изумленно глядя на своего спасителя. Их взгляды встретились. Ее карие глаза были огромными, очень красивыми и очень усталыми. А Стивен испытал настоящий шок. Боже правый... она же не могла подумать, что он... Убедившись, что она твердо стоит на ногах, он поспешно отступил.

– Смотри, что делаешь! – рявкнул он на носильщика по-английски.

– Отнесите это наверх, в третью комнату слева, – спокойно произнесла Джулия, игнорируя пятна на платье и подобострастные извинения слуг. Она завернулась в свое благородное достоинство словно в плащ, отошла в сторону и занялась другими сундуками.

Стивен не предложил ей руки, когда они наконец зашли в гостиницу, когда вещи были благополучно выгружены. Вместо этого он сцепил руки за спиной и шел за ней. Джулия насквозь промокла. Ей пришлось стиснуть зубы, чтобы они не клацали от холода.

– Хотите выпить чего-нибудь горячего? – спросил он.

– Спасибо, но я лучше пойду наверх, проверю, как устроили Доротею. – Их взгляды снова встретились. Но теперь в ее глазах читался вызов. – И моего сына. – Напоминание – предупреждение – было ясным.

– Конечно, – буркнул он, к немалой досаде почувствовав, что краснеет, получив вежливый отпор. – Закажите, что хотите, пусть вам все принесут наверх. Спокойной ночи, мисс Лейтон. – Он сделал акцент на слове «мисс».

– Доброй ночи, лорд Айвз.

Стивен проводил ее взглядом. Леди до мозга костей. И все же она не была леди.

Тот факт, что она позволила себя соблазнить, поддалась страсти, предполагает развитую чувственность. Это не могло не интриговать, несмотря на то что он был ее работодателем.

Однако он не перестал быть мужчиной, и ему, как и любому члену этого общества, не было чуждо любопытство. Он с трудом отвел взгляд от изящной фигуры таинственной леди Джулии.

Как и у нее, у него были обязанности, которые следовало выполнить, прежде чем позволить себе отдых. Впереди еще не меньше месяца нелегкого путешествия, и по пути к Вене может случиться все, что угодно.

Он должен сохранять бдительность.

Глава 6

Париж

Лицо Доротей было таким же белым, как кружевной платочек, который она прижимала к носу.

– Этот город пахнет ужасно! – воскликнула она. – Заставьте кучера ехать быстрее!

Это было невозможно. В узких улочках толпы людей блокировали экипаж, и никто не обращал внимания на окрики кучера. Город почти обезумел, стараясь с максимальным размахом отметить праздник Святого Людовика. Вино, песни и смех свободно лились по улицам, мешая транспорту.

Джулия взглянула вверх, на скульптуры, украшавшие здание собора. Дьявольски оскаленные горгульи взирали сверху вниз на толпу, их ухмылки казались Джулии скорее озорными, чем злобными. Однако Доротей содрогнулась.

– Они меня пугают, – пробормотала она, со страхом глядя на хохочущих разгоряченных гуляк за окнами экипажа. – Они такие же страшные, как горгульи, а дома вокруг все черные и грязные.

По мнению Джулии, люди выглядели веселыми, празднуя окончание войны. Горгульи тоже казались вполне довольными, словно хотели спуститься на улицы и присоединиться к гуляющим.

Сажа и угольная пыль действительно покрывали статуи и причудливую резьбу, но окна и балконы были украшены яркими цветами, а небо над городом светилось чистотой и голубизной. Все вокруг было цветным – красным, синим, желтым, даже грязные воды Сены казались полосой черного шелка.

Джулия прижалась лицом к окну экипажа, с интересом разглядывая все окружающее.

– Моя бабушка любила говорить, что у каждого города есть свое очарование, как у женщины или красивого мужчины. Есть уникальный запах, особый дух, оттенок света, который придает каждому месту неповторимую магию и заставляет в него влюбляться. Она утверждала, что, оказавшись в новом месте, первым делом надо понюхать его, словно цветок, ощутить его аромат.

Но Доротей продолжала прижимать к носу платочек.

Джулия ласково улыбнулась: для нее Париж был настоящим чудом, дамой преклонного возраста, которая, возможно, знала лучшие времена, но все еще наслаждалась жизнью во всей ее полноте. Она глубоко вздохнула и почувствовала запах чеснока, свежего хлеба и резкий цветочный аромат, от которого закружилась голова, – они как раз проезжали цветочный рынок. Еще она чувствовала запах вина, пота и, конечно, другие, не слишком приятные запахи. Все они были запахами жизни.

Доротей испуганно вскрикнула, когда несколько уличных мальчишек запрыгнули на подножки экипажа и стали заглядывать в окна.

– C'est Wellington? – спросил кто-то из них, но, разглядев пассажиров, мальчишки с разочарованными лицами удалились. К их великому сожалению, в экипаже сидели только две совершенно обычные англичанки, а вовсе не знаменитый герцог Веллингтон.

– Они уже убежали, – заверила компаньонка Доротей.

За пределами их маленького изолированного мирка веселье было в самом разгаре. Толпа ликовала, предаваясь удовольствию. Джулия предположила, что отправка Наполеона в ссылку на маленький остров Эльба и возвращение Бурбона в свой дворец значат для народа меньше, чем то, что из фонтанов вместо воды льется вино.

Британская делегация прибыла сюда по приглашению короля Людовика XVIII. Он провел последние годы войны в Англии и теперь, восстановленный на троне, желал, чтобы каж-

дый иностранный лорд, офицер, дипломат или советник, облачившись в лучшие одежды, принял участие в празднестве.

Будучи простой служанкой, Джулия не имела права посещать официальные мероприятия – разве только Доротея выразит желание пойти и ей потребуются сопровождение. Однако ее место будет в тени, в дальнем углу. Хорошо осознавая, что бальные танцы для нее остались в прошлом, она все равно хотела посмотреть, как здесь будут происходить подобные торжества, пусть даже со стороны. Когда-нибудь она расскажет сыну, как люди праздновали окончание войны.

Но Доротея наотрез отказалась выходить из своей комнаты, и лорд Айвз уходил один.

Каждое утро за завтраком он рассказывал Доротее и Джулии обо всех мероприятиях, которые посещал накануне. Надо сказать, сестра майора живо интересовалась мельчайшими подробностями званых вечеров.

– Расскажи, что носят сейчас в Париже! – попросила она, пока Джулия наливала чай, стараясь не показать своего желания услышать ответ лорда Стивена. Прошло уже много лет с тех пор, как парижские моды были доступными в Англии. Нет, не то чтобы английские модницы не получали контрабандой бельгийские кружева и парижские модные журналы, так же как их мужья тайно ввозили в страну французский коньяк. Пусть это было нелегально и непатриотично, но ни одной моднице это соображение не могло помешать.

Глаза Стивена изумленно округлились.

– Разве люди обычно не говорят друг другу сначала «доброе утро», а уж потом переходят к остальным проблемам?

Доротея бросила на брата хитрый взгляд.

– Только не тогда, когда есть важная информация, которой один из собеседников располагает, а другой хочет услышать. Кстати, ты говорил своим солдатам «доброе утро» перед боем?

– Нет, но война и мода все же разные вещи, – ответил он.

Доротея закатила глаза.

– Не увливай! Разве ты не заметил, что носят люди?

Стивен дождался, пока лакей поставит перед ним тарелку.

– Ну, все в Париже носят одежду, если тебя интересует именно это.

Доротея возмущенно ахнула.

– Ты только шокируешь Джулию такими намеками. Понятно, что здесь все ходят одетыми.

Джулия почувствовала прилив жара. Лицо Стивена на мгновение напряглось. Неужели он думает, что ее можно шокировать подобными невинными замечаниями? Она принялась сосредоточенно намазывать маслом маленький треугольный тост.

Заметил бы Джеймс, во что одеты леди на балу? Скорее нет. Он бы танцевал с самыми прелестными девушками, назначал встречи с мужчинами наутро – для охоты, верховой прогулки, бокса.

Хотя, конечно, есть мужчины, которые обращают самое пристальное внимание на внешность женщины. Она вспомнила явное одобрение Томасом Мерритом ее платья, прически, драгоценностей. Дэвид редко удостаивал взглядом туалет, на выбор ткани, фасона и пошив которого уходило много недель. А Томас сказал, что она красива, и заставил ее почувствовать себя такой. Она постаралась выбросить из головы воспоминание о его улыбке, о восхищении, которое читалось в его глазах, и наколола на вилку кусочек ветчины. Больше никто и никогда так на нее не посмотрит. Все будут вспоминать о скандале и о том, как ее легко соблазнить.

– Ну говори же! – настаивала Доротея. – Ты наверняка что-нибудь запомнил.

– Ну, большинство дам вроде бы были в платьях с этими... как их там... – Стивен взмахнул вилкой, потом положил ее на тарелку и сделал несколько движений руками, изображая облегающее фигуру платье.

– С высокой талией, прилегающее к телу? – предположила Джулия.

– Да, – кивнул Стивен, взглянув на нее с искренней благодарностью. – Но еще на них больше таких... рюшей... или это оборки – точно не знаю, как это называется, – чем можно встретить в Лондоне.

– Полагаю, он хочет сказать, что больше оборок пущено по подолу, – уточнила Доротея, обращаясь к Джулии. – О, Джулия, окажись ты там, ты бы мне все подробно описала. А так, из слов Стивена, я ничего не могу понять. Невозможно представить, как выглядят французские женщины.

– На некоторых платьях есть не только оборки по подолу, – отважно продолжил Стивен, и Джулия спрятала улыбку, наблюдая, как он старается доставить удовольствие сестре. – Были платья и со сверкающей отделкой. Думаю, это стеклянные бусинки. – Он тронул руками плечи своего военного мундира. – Здесь и здесь. – Потом он провел двумя пальцами по груди. Жест больше напоминал удар сабли. – И еще в самом низу. Эти штуковины здорово шумят... клацают, когда леди ходит или танцует. Создается впечатление, что по мраморному полу бежит отара овец.

Джулия прикрыла рот салфеткой, чтобы скрыть улыбку. Доротея толкнула ее под столом коленом, и Джулия поняла: она получает удовольствие от разговора с братом.

– Овцы? – с деланным возмущением проговорила Доротея. – Ты сравниваешь самых элегантных дам Европы с овцами? О, Стивен, это совершенно не по-джентльменски, к тому же недипломатично.

Мужчина покраснел. Его свежесбрившие щеки стали пунцовыми – под цвет мундира.

– Я говорил не о лицах. И вообще я не специалист в области моды. – Он пригладил пятерней свою светлую шевелюру.

– Многие дамы украшают прически перьями, что мешает обзору и может быть весьма неприятным, если мужчина не успевает увернуться, когда дама приседает перед ним в реверансе. Щекотно... и колется. Мне кажется, некоторые леди специально наклоняют головы, чтобы помучить мужчину этими перьями. Одному из моих коллег перо попало в глаз, и он был вынужден удалиться.

– Это будет считаться боевым ранением? Ведь он находился на службе? – поинтересовалась Джулия.

Стивен возмущенно фыркнул:

– Должно считаться!

– А какие цвета сейчас в моде? – не отставала Доротея. – Быть может, есть какой-то один цвет, который популярнее всех? А на ком было платье самого вызывающего цвета?

Стивен издал странный булькающий звук, а Джулия заметила на его лбу испарину. Допрос с пристрастием, устроенный сестрой, явно не доставлял ему удовольствия.

– Ну, я видел множество цветов. Самых разных. Популярнее других, наверное, белый. Или розовый? С цветными лентами, завязанными здесь. – Он деликатно указал на свои ребра, оттопырив мизинцы. Доротея еще раз толкнула Джулию коленом, наслаждаясь неловкостью брата.

Джулия почувствовала укол жалости. Несчастный майор. Возможно, после устроенной ему сестрой пытки он предпочтет завтракать в компании джентльменов где-нибудь в другом месте. А жаль. Если уж Джулия не может быть участницей событий, то предпочла бы услышать о них от майора. Хотя Стивен Айвз, вероятно, более красноречив, описывая сражения или военные маневры.

– Что подавали на ужин, милорд? – спросила она, посчитав, что эта тема ему приятнее, чем перья и оборки.

Он заметно расслабился.

– О, там были цыплята и самые разные паштеты, а еще улитки с маслом и чесноком, – сообщил он, и в его глазах появился блеск. Недовольную гримаску Доротеи он предпочел не заметить. – Улитки здесь называются «эскарго», и они очень вкусные, так же как и лягушачьи лапки. Здесь готовят восхитительные яблоки с корицей и сливками, а также пирожные. А какие у французов сыры... – Он взглянул на своих собеседниц с мальчишеским восторгом.

Доротея легонько шлепнула брата по руке.

– Улитки? Получается, ты помнишь, с чем были улитки, но не можешь рассказать ничего об одежде людей?

Стивен ухмыльнулся.

– Я был одет в военную форму. Многие джентльмены тоже. Я могу перечислить тебе звания и полки тех, кто был там, если хочешь.

– Да-да, конечно. Ты и другие военные всегда щеголяете военными регалиями и свысока смотрите на штатских, одетых в обычные вечерние костюмы. Это я уже поняла. Но как насчет дамских причесок? – требовательно спросила Доротея, отщипнув кусочек от тоста, который вертела в руках уже добрые полчаса. Она даже не притронулась к завтраку, отметила Джулия.

Улыбка Стивена снова поблекла и исчезла. Он поднес руки к голове и стал шевелить пальцами, вероятно изображая траву на ветру.

– Высокие, – изрек он наконец. – С лентами... некоторые – с драгоценными камнями. – И он бросил умоляющий взгляд на Джулию.

Доротея вздохнула:

– Ты ужасен, Стивен. Благодаря тебе я представляю овец с перьями на головах, танцующих с красивыми офицерами в форме. – Я это вижу так отчетливо, словно была там сама.

Джулия засмеялась, не сумев вовремя сдержаться. Стивен сделал над собой героическое усилие и подавил смех.

– Моя сестра очень остроумна. – Он аккуратно положил вилку. – Если мое описание тебя не устраивает, ты можешь все увидеть сама. Сегодня вечером все приглашены в оперу. Для тебя это будет не слишком тяжело. Зато посмотришь, как одеты парижанки.

Доротея побледнела.

– Нет, я не могу. Возьми с собой Джулию, если хочешь.

У Джулии от неожиданности перехватило дыхание. Вряд ли молодому дипломату следует сопровождать в оперу компаньонку своей сестры. Стивен Айвз принялся с преувеличенным вниманием рассматривать свои пальцы. За столом воцарилось неловкое молчание.

– А кого из значительных особ вы видели, скажем, вчера? Выдающуюся личность? – поспешно спросила Джулия, чтобы переменить тему.

Стивен встретился с ней глазами. В его взгляде было явное облегчение.

– Там был герцог Веллингтон. В обществе принцессы Полины Боргезе, одной из сестер Наполеона. И, разумеется, присутствовал король Людовик, а также лорд Каслри, министр иностранных дел его величества, который будет представлять Великобританию в Вене.

Доротея ахнула:

– Веллингтон и Боргезе появились вместе? Неужели можно разгромить мужчину в бою, свергнуть с трона, а потом начать волочиться за его сестрой? Ведь они оба состоят в браке!

Джулия удивилась реакции Доротеи. Амурные дела герцога были хорошо известны и всегда служили источником сплетен в Лондоне. Впрочем, то же самое касалось скандального поведения принцессы Полины.

– Полагаю, это дипломатия, – не слишком уверенно предположил Стивен. – Иметь друзей всегда полезно, Дороти. К тому же мы должны следить за Наполеоном, даже если он утверждает, что прекрасно себя чувствует на Эльбе. Не исключено, что Веллингтон всего лишь рассчитывает получить информацию от сестры Бонапарта.

– Или он милостив к побежденным врагам, – вставила Джулия. – В конце концов, принцессе нужен сопровождающий высокого ранга.

Стивен заметно удивился и пробормотал:

– Очень компетентное мнение, мисс Лейтон.

Доротее наморщила носик.

– Его светлость не мог выбрать другую женщину, столь же шокирующую и легкомысленную? Таких просто нет. А как же бедная герцогиня? Китти просто душка, даже если не столь яркая, как ее супруг.

Стивен ласково улыбнулся.

– Китти твоя приятельница, и, по-моему, она спокойнее относится к поведению своего супруга, чем ты. Это их дела, Дороти. – Он встал. – Прошу меня извинить. У меня срочная работа. Мисс Лейтон, постарайтесь уговорить Дороти пойти вечером в оперу. Ты же всегда любила театр, милая.

Доротее пожала плечами и смяла салфетку.

– Раньше – да. Я любила театр, потому что им наслаждался Мэтью. А теперь это будет невыносимо.

У Джулии заняло сердце.

– Мы прогуляемся по магазинам, – оживленно сообщила она, – или попросим, чтобы нам принесли журналы и образцы, и будем точно знать, что закажем для Вены.

Стивен послал ей благодарный взгляд и вышел.

Джулия читала Доротее, а все остальные разошлись кто куда. Стивен – в оперу, а слуги – в таверны и на уличные гуляния.

– Здесь есть лауданум? – спросила Доротее, лежа в кровати с мокрой салфеткой на лбу. – В комнате очень жарко, и головная боль становится невыносимой.

– Нет, – твердо ответствовала Джулия. – Но можно приготовить чай из ромашки или мяты. От головной боли помогает очень хорошо.

Доротее устремила на нее злой взгляд.

– Это не лекарство! Я не смогу отдохнуть! Мы должны отыскать здесь доктора и достать немного лауданума. Немедленно!

Джулия проигнорировала приказ. Она взяла салфетку и прошла в другой конец комнаты, чтобы смочить ее в прохладной воде. Потом протерла Доротее виски, но та капризно отбросила салфетку.

– Не помогает! – захныкала она.

Джулия искренне сочувствовала горю Доротее, но не желала сдаваться. Ее подопечная стала зависеть от наркотика, и Стивен опасался, что так она никогда не сможет оправиться от потери. Он велел Джулии не давать Доротее больше ни капли лауданума.

Джулия и сама знала, как много вреда он может принести. Ее мать пристрастилась к наркотику после гибели Джеймса. Лауданум увлекал свои жертвы в дремотные сумерки, где несчастные пребывали без боли и каких-либо эмоций, только наполовину живые. Стивен надеялся, что хорошая компания и перемена мест снизят тягу сестры к наркотикам, поднимут ее дух. Но пока ничего не менялось.

Джулия помнила Доротее юной невестой, живой и остроумной, с блестящими глазами и бьющей через край энергией, королевой любого бала, на котором она появлялась. Теперь она целыми днями лежала в темноте – вялая, равнодушная, безжизненная. Джулия помас-

сировала ей запястья, смазала виски розовым маслом и подумала, что, наверное, могла бы пристраститься к лаудануму тоже, если бы потеряла Джейми или любимого мужа.

Скорее всего она никогда не выйдет замуж и никогда ни один мужчина не назовет ее любимой. Счастье замужества останется для нее неведомым.

– Я не могу уснуть, – пожаловалась Доротея, вцепившись в руку Джулии.

– Я открою окно, – спокойно произнесла Джулия. – Прохладный воздух поможет успокоиться.

– Нет! Пусть будет закрыто! Городской воздух пропах потом, чесноком и мочой. И на улице слишком шумно. Я не хочу открывать окно, ты слышишь? – закричала Доротея, разметавшись на простынях.

– Тогда я тебе почитаю.

Джулия читала очень долго, и наконец Доротея уснула. Во сне она стонала, вздрагивала и махала руками, словно отбиваясь от преследовавших ее призраков.

Наконец часы пробили одиннадцать, и с легким скрипом открылась дверь. Вошла горничная Доротеи.

– Я послежу за госпожой. А вам надо отдохнуть.

Джулия с радостью направилась в свои комнаты, по дороге заглянув в небольшой закуток, где в колыбельке рядом со своей няней спал ее сын.

Он открыл глазки, улыбнулся и потянулся к ней, желая, чтобы его взяли на руки. Джулия подняла сына, прижала к груди, подошла вместе с ним к окну и распахнула его, впустив в комнату прохладный ночной воздух. В небе над городом вспыхивали фейерверки – большие красные и желтые цветки. Джулия видела, как яркие цвета отражаются в широко открытых глазах малыша. Он протянул к диковинному зрелищу ручку. Джулия улыбнулась и поцеловала мягкие волосики на головке.

Она потеряла все, но обрела его. О большем она не мечтала.

Мать прижала сына к груди. Малыш издал негромкий радостный звук, и его пальчики запутались в ее волосах. Она снова поцеловала его, вдохнула его запах. Она посвятит себя ему, станет для него матерью, отцом, друзьями, защитит его, отдаст за него жизнь, если надо. Иногда, когда Джулия была близка к срыву, могла сломаться и зарыдать, завывать, оплакивая все, что потеряла, она смотрела на сына и успокаивалась. Джейми – ее чудо, а вовсе не ошибка.

Она устремила задумчивый взгляд в расцветенное фейерверками небо. Где сейчас Томас Меррит? Далеко, наверное. Он и не знает, что у него есть сын. Вероятно, он и о ней давно забыл. Джейми восторженно заворковал, когда в небо снова взвились яркие лепестки, и она улыбнулась.

Джейми ее сын, и больше ничей.

Экипаж уже выехал за пределы Парижа и остановился на вершине холма, когда начался фейерверк.

Донован выглянул из окна и присвистнул.

– Ты только посмотри! – воскликнул он, глядя на яркие огни, осветившие ночное небо. – Нам следовало задержаться на день или два, чтобы не пропустить такое развлечение.

Томас на небо не смотрел. Ему было неинтересно. Он хотел уехать из Парижа и как можно быстрее оказаться на пути к чему-то новому, к какому-то неведомому месту, которое сможет предложить ему... ну что там ищет его неприкаянная душа. Но что это – он и сам не знал, и уже опасался, что до конца дней своих будет менять города в поисках лучшей доли.

– У нас есть дело, – мрачно буркнул он Доновану. – И если мы хотим найти в Вене приличное и не самое дорогое жилье, нам лучше добраться туда раньше, чем в городе начнется вавилонское столпотворение.

– Знаю я, знаю. – Донован вздохнул. – Чем дольше мы ждем, тем дороже будут стоить комнаты, если, конечно, ты не сможешь очаровать какую-нибудь вдовушку, которая пустит нас на постой бесплатно.

Томас постучал в потолок экипажа, но карета не двинулась с места. Вероятно, кучер увлекся созерцанием фейерверка.

– Мы должны выглядеть в высшей степени респектабельно и сразу по приезде начать устанавливать нужные связи. Необходимо завести друзей, заручиться доверием людей, которые имеют вес, и они обеспечат нас приглашениями на лучшие приемы и балы.

– И доступ к лучшим драгоценностям, – уточнил Донован, – которые можно незаметно снять с очаровательных шеек, запястий и ушек.

Томас покосился на оскаленную физиономию своего лакея, которая в этот момент осветилась красным светом очередного фейерверка. Похоже, Донован вошел во вкус такой жизни. Ему нравилось водить за нос богачей, которые всю жизнь повелевали им. Томаса ворованные цацки кормили, и ничего больше, но Донован был в опасности.

– Покончив с делами в Вене, мы оба найдем для себя более спокойную жизнь, – твердо сказал Томас.

Он возьмет достаточно, чтобы отослать Донована домой, а потом соберет оставшиеся крупички своей чести и достоинства и примет решение, что делать дальше.

Вена – это всего лишь шанс. Последний шанс сделать состояние. На первых порах он воображал себя мстителем. Ведь что заставило его скатиться до воровства? Мечь брату, его двуличной супруге, обществу, которое гнушалось им, даже не потрудившись выслушать его версию истории. Но мечь не делала эту жизнь достойной. Конечно, если бы его брат был сейчас здесь, с золотыми часами отца в руке, знакомой рубиновой булавкой в галстук, массивной печаткой на пальце и вероломной женой, носившей драгоценности его матери, Томас знал, что не стал бы колебаться ни минуты. Он бы забрал все, оставив их нагими, – именно так они поступили с ним.

Он снова постучал, на этот раз сильнее, и экипаж наконец тронулся. Кучер все же отвлекся от занимательного зрелища.

– Когда же мы развлечемся? – недовольно спросил Донован.

– Позже, – отвечал Томас. – Сначала сколотим состояние.

Глава 7

Вена, 14 сентября 1814 года

– Взгляни, Доротея, мы наконец в Вене! – воскликнула Джулия, пытаясь открыть пыльное окно экипажа.

Но Доротея спала, измученная неделями езды по ужасным дорогам. Она была очень бледна, лоб покрылся испариной. Пыль из-под копыт лошадей залегла в морщинках на ее лице, покрыла юбку и шляпку. Джулия знала, что выглядит такой же уставшей, и пожалела, что вблизи нет зеркала.

– Почти приехали, – негромко добавила она и высунула голову из окошка.

За месяц они проехали пять стран – Францию, Швейцарию, Германию, Баварию и Австрию. Доротея искренне ненавидела долгие часы езды по дорожным ухабам, но Джулии все нравилось. Она совсем не скучала по Англии. И если Доротея постоянно жаловалась на отсутствие английских удобств, манер и еды, Джулия, стараясь не показать свою радость Доротее, любовалась темными лесами Германии, заснеженными вершинами швейцарских Альп, золотистыми полями Франции. Конечно, повсюду были видны следы недавно окончившейся войны: траншеи и воронки на земле, сожженные деревни, разрушенные здания. На людях война тоже оставила свой след. Глядя на незнакомцев, они подозрительно щурились и провожали их взглядами без каких-либо признаков дружелюбия.

Придорожные постоялые дворы не самое приятное место, где подают грубую непривычную пищу. Но британский министр иностранных дел виконт Каслри старался как можно скорее добраться до Женевы, где его ждала жена Эмили. А после этого – побыстрее попасть в Вену и подготовиться к началу конгресса.

Доротея была в ужасе: до нее дошли слухи о бандитах на дорогах, – и настаивала, чтобы Стивен дал ей пистолет. Тот отказался, однако дал пистолет Джулии – тайком, чтобы не видела сестра, и она держала его в саквояже под сиденьем.

Пока Доротея дремала после обеда, он даже показал Джулии, как пользоваться оружием.

– Полагаю, мы в полной безопасности – насколько это возможно в наше время, разумеется, – все же с нами целое отделение солдат, – сказал он. – Но мне бы не хотелось, чтобы Доротея с перепугу подстрелила какого-нибудь фермера или лакея лорда Каслри.

– А вы не боитесь, что я кого-нибудь случайно подстрелю? – спросила она.

– Вы мне не кажетесь нервной особой, мисс Лейтон. Но все равно обращайтесь с оружием осторожно.

С тех пор ей только один раз захотелось воспользоваться оружием. В Женеве к ним присоединился печально известный сводный брат лорда Каслри – лорд Чарльз Стюарт – вместе с леди Каслри. Он был дерзкий солдат, храбро сражавшийся в Испании под знаменами Веллингтона, и теперь официально отвечал за безопасность делегации и другие вопросы, которые вслух не обсуждались. Стивен представил его Доротее, но Джулия заметила, что он намного больше заинтересовался ею. Она прочла узнавание в темных глазах Стюарта, заметила, как он самодовольно усмехнулся, встретившись с ней взглядом. Он находился в Лондоне, когда разразился скандал, и был в курсе всех сплетен.

С этого времени она постоянно ловила на себе его взгляды, в которых сквозило откровенное приглашение. Джулия старательно избегала его и постоянно держала дверь своей комнаты закрытой.

Как-то утром она наблюдала за погрузкой багажа Доротеи, и он сумел застать ее врасплох. Джулия завернула за угол и едва не врезалась в его широкую грудь.

– Лорд Стюарт! Я вас не заметила! – Она лишь негромко ахнула, когда он схватил ее за плечи. Инстинктивно отпрянув, она оказалась прижатой к боковой стенке экипажа. Ловушка.

– Я хотел сказать вам несколько слов, моя дорогая Джулия. – Он медленно поднес руку к ее лицу и провел пальцем по щеке. Она отвернулась, ощутив тошноту и страх. – Полагаю, нам следует лучше узнать друг друга. Вы со мной согласны?

Будь она графской дочерью, леди Джулией, он бы не посмел прикоснуться к ней, подойти так близко и уж тем более сделать подобное предложение. Но теперь ее не защищал ни титул, ни статус. Она устремила на него самый грозный взгляд из арсенала будущей герцогини. В прежние времена он бы съезжился от страха. Но теперь этот взгляд не произвел на него ни малейшего впечатления.

– У меня очень много обязанностей, милорд, и мало свободного времени. Поэтому меня не интересуют беседы...

Мужчина засмеялся.

– О, меня тоже не интересуют разговоры. Я хочу прийти сегодня ночью в вашу комнату, – откровенно сказал он, – или вы можете прийти в мою, если хотите.

Страх моментально превратился в ярость. Джулия гордо вздернула подбородок и встретила с ним взглядом.

– Вы должны немедленно извиниться.

– Конечно, извините меня. Вам же нравится, когда вас соблазняют, и желательно, чтобы рядом было много народу. Волнение – ведь вас в любой момент могут застать врасплох – добавляет остроты ощущениям, не правда ли?

Джулия попыталась пройти мимо наглеца, но он преградил ей дорогу. Одной рукой он уперся в стенку кареты возле ее плеча, а другой обхватил ее затылок и привлек к себе, впившись в губы своей жертвы поцелуем. Джулия попыталась отвернуть голову и оттолкнуть его, но Стюарт был непоколебим как скала. Он прижался к ней всем телом, и она ощутила твердь его естества.

– Нет! – закричала она и стала вырываться, пытаясь ударить негодя кулаком в грудь.

– Нет никакой необходимости притворяться. Мы оба знаем, что тебе это нравится. Ну же, давай, подними юбки для меня.

Он больно сжал ее грудь, а потом просунул руку ей между ног. Охваченная паникой, Джулия вспомнила о пистолете в кармане, и уже через мгновение ствол уперся ему в живот.

Лорд Стюарт удивленно опустил глаза.

– Что это? – спросил он, но Джулия ясно видела: он прекрасно знает, что это.

Она ткнула его пистолетом изо всех сил. Лорд заворчал, но отступил.

– Если вы когда-нибудь еще посмеете ко мне подойти, я выстрелю. Можете не сомневаться.

Лорд Стюарт выдавил улыбку.

– Значит, вы предпочитаете грубость, не так ли? Что ж, будь по-вашему. Если хотите поиграть, я готов.

– Джулия? – Из-за экипажа вышел Стивен и остановился, переводя глаза с мужчины на женщину и обратно. Он отметил его тяжелое дыхание и ее растрепанные волосы. – Доротей ищет вас, мисс Лейтон, – проговорил он сухо. Все подозрения на ее счет явно вернулись.

Джулия покраснела от злости и досады. Он не видел пистолета и с готовностью предположил, что она... Она даже зубами скрипнула, чтобы справиться с гневом.

– Если Доротей готова ехать, экипаж ждет, – сообщила она, собравшись с духом.

Джулия стиснула в руке рукоятку пистолета. Она могла бы пристрелить их обоих за оскорбления, сначала Стюарта, а потом и чертова Айвза. Будь она мужчиной, к примеру, как

Джеймс, она бы швырнула в физиономию каждому по перчатке. Должна же она защитить свою честь!

Но она женщина, причем женщина падшая. И теперь к ней всегда будут относиться с подозрением. Именно подозрение она видела в глазах леди Каслри и даже в глазах ее слуг. Она спрятала пистолет в карман, отвернулась и, выпрямившись, зашагала к гостинице, чтобы найти Доротею.

– Есть проблемы, милорд? – сдержанно спросил Стивен.

Она слышала, как лорд Стюарт в ответ рассмеялся.

– Все нет. Я только сказал мисс Лейтон, что в таком долгом и трудном путешествии приятно видеть прелестное личико. Последнее, впрочем, вы и без меня наверняка заметили.

Джулия прижала ладонь к горячей огнем щеке, услышав столь двусмысленное высказывание, и ускорила шаг.

После этого инцидента она постоянно носила пистолет заряженным и тщательно следила, чтобы, когда с ней нет Доротеи, всегда была рядом служанка. Она ни разу не взглянула на лорда Стюарта, случись им встретиться, но часто ощущала на себе его взгляд.

Теперь они приближались к Вене, и Стюарт скакал где-то впереди вместе со своим сводным братом, министром.

Джулия придержала шляпку, чтобы ее не сдуло ветром, и стала смотреть на город, все еще далекий, но достаточно близкий, чтобы были видны шпили соборов, парящие над облаком пыли. Дунайские каналы извивались по сельской местности, словно темные ленты. Едва перевалило за полдень, небо было чистым и безоблачным, тем более в сравнении с пыльной землей. Невозможно было не радоваться.

Она глубоко вздохнула, желая ощутить запах города, характерный аромат места, куда ее занесла жизнь, но город был еще далеко, и она почувствовала только запах пыли.

Стивен ехал рядом.

– Наконец Вена, – сказал он, во все глаза глядя на вырастающий впереди город. После инцидента в гостинице он был неизменно холоден и вежлив, а во время трапез предпочитал молчать.

– Выглядит чудесно, – подала голос Джулия.

– Но Дунай не голубой, – огорченно заметил он. Ветер сдул прядь его волос на лоб, отчего он сразу стал выглядеть молодым и мечтательным и, конечно, красивым – всадником на роскошном черном коне.

– Нет, он скорее пурпурный или даже... – Она прикусила губу.

Цвета индиго. Как его глаза, когда он шурил их на солнце. Как глаза Томаса Меррита при свете звезд. Хотя при свечах они серые. Джулия отвернулась и уставилась на реку.

– По крайней мере он не зеленовато-коричневый, как Темза, – сказал Стивен, внимательно глядя на собеседницу.

Джулия чувствовала, что ее щеки полыхают.

– Настоящая ванна, – пробормотал он.

– Простите? – Она удивленно подняла глаза. Интересно, что он имел в виду? Неужели у нее грязь на лице? Она постаралась справиться с желанием вытереть лицо рукой, но Стивен неожиданно улыбнулся. Это была его первая искренняя улыбка за много дней.

– Я хотел сказать, что мне больше всего хочется именно этого – теперь, когда наше путешествие подходит к концу.

Джулия кивнула.

– Да, Доротея тоже довольна. Она слышала, что леди Каслри привезла с собой английского повара.

– Совершенно верно. И о каком блюде вы мечтаете?

Джулия закатила глаза.

– О булочках с топлеными сливками. Хотя говорят, что Вена славится яблочным штруделем и шоколадными конфетами.

– Говорят... – Он рассмеялся. – Вы собираетесь попробовать все местные деликатесы?

– Я слышала, что лучший способ узнать город – попробовать его на вкус. Конечно, когда ты уже знаешь его по виду и запаху.

– Думаю, вы правы. Как можно понять Париж, не попробовав его хлеба или цыпленка с чесноком и яблоками?

– Или улиток, – напомнила Джулия и сразу подумала, что зашла слишком далеко. – А еще сыра и масла, – поспешно добавила она, чтобы загладить неловкость. – Хотя, на мой взгляд, английская клубника слаще французской.

Стивен тепло улыбнулся, словно они встретились за чаем и болтали как равные, словно она все еще была дочерью графа, знатной леди. Джулия опустила глаза. Все дело в его опыте дипломата. Их учат внимательно слушать собеседника, поддерживать разговор, при необходимости направляя его в нужное русло. Она провела рукой по щеке и почувствовала на коже мелкие песчинки. Да, ванна сейчас была бы как нельзя кстати.

– Я знаю, Доротея хочет получить хороший английский завтрак, – сказала она, – и чашку чая, приготовленного в китайском чайнике.

– Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить здесь для нее все удобства Лондона, но вы должны постараться уговорить сестрицу, выражаясь вашими словами, «попробовать город», увидеть новые места и новые вещи, пока мы здесь. Мне бы хотелось, чтобы она относилась к этой поездке как к большому приключению. Ей ведь не нравится путешествие.

– Нет, – согласилась Джулия. – Но мы же наконец приехали, и, не сомневаюсь, она поймет, что все не так плохо, когда освоится на новом месте. Я постараюсь устроить ее поудобнее.

Его улыбка исчезла. Стивен молча кивнул. Тонкая нить, протянувшаяся было между ними, оборвалась. Она снова стала обычной служанкой, которая должна выполнять свои обязанности. Джулия отвернулась и взглянула на Доротею. Та еще не проснулась, а Стивен прищипорил коня и скрылся в клубах пыли.

Джулия бросила еще один внимательный взгляд на город, который с каждой минутой становился ближе. Ну и ладно. Пусть она и служанка, это не мешает ей насладиться каждым мгновением пребывания в Вене.

Глава 8

– Разве мы можем себе позволить такое шикарное место?

Томас мрачно усмехнулся, стоя у красивого дома, расположенного близ городских стен.

– Мы не можем себе позволить не снять его. Кстати, нашим будет только второй этаж. Верх займет какой-нибудь другой джентльмен или, возможно, пара элегантных леди, к примеру, дочь и мать, чтобы присмотреть богатого жениха.

Донован засмеялся.

– Тогда придется соблюдать осторожность, чтобы она не нацелилась на тебя, приняв за богача. А ты им, надеюсь, станешь, прежде чем мы покинем этот город.

Томас оглядел бело-желтый фасад дома.

– Любая проницательная мать поймет, что я недостаточно богат для ее дочери. Зато так я буду поближе к дворцам, где разместятся дипломатические миссии. Когда начнется драка за жилье, здесь может поселиться какой-нибудь младший дипломат или обедневший лорд, не сумевший найти ничего лучшего.

– Откуда тебе все известно? – удивился Донован. – Я и не знал, что ты путешествовал по Европе до того, как лишился всего.

Томас нахлобучил шляпу, которую до этого держал в руке.

– Я был в Брайтоне в разгар лета. Каждая мать с дочерью брачного возраста, каждый лорд, нуждающийся в милости, стремился поселиться так, чтобы быть ближе к принцу-регенту. Есть определенные признаки, по которым можно судить о твоей респектабельности: улица, на которой ты живешь, вид из окна – на людей, разумеется, о пейзаже речи нет. Перспективный жених с деньгами и титулом очень быстро учится распознавать и избегать матерей-хищниц и их деточек с неумеренными аппетитами. Так же легко он узнает молодых леди с приданым и положением в обществе. Цель – заключить брак и получить выгодные связи. Это искусство представители высшего класса впитывают с материнским молоком.

Донован почесал затылок.

– А как же насчет внешности? Она не считается? Лично я не согласен жениться на уродине.

– Важно не то, как женщина выглядит, а из какой она семьи. Родословная, приданое и земли. Желательно еще расположение ее титулованных родственников. Мало кому удастся найти, в дополнение ко всему этому, еще и красоту. – Он вспомнил Дэвида Темберлея – исключение из правил. Человеку повезло во всем: он получил приданое, связи, землю и красоту жену в качестве бонуса.

Донован выглядел озадаченным.

– Представители высшего общества меня просто поражают. Неудивительно, что у нас так много безобразных графов и отталкивающих герцогов. Они выбирают некрасивых невест и получают... что получают.

Томас вздохнул. Эти заботы он оставил в далеком прошлом.

– Последи за сундуками, Донован. И постарайся ближайšie десять минут выглядеть слугой.

Донован дернул себя за вихор и с откровенным сарказмом произнес:

– Будет исполнено, милорд. Но как же мне вас называть?

Томас задумался на несколько секунд.

– Полагаю, «виконт Мерритон» подойдет.

– До тех пор, пока кто-то из знакомых не вспомнит, что ты больше не виконт.

– Не думаю, что брат прибудет сюда с этим известием, да и мы будем стараться не смешиваться со свитой английского министра иностранных дел, – холодно сказал Томас, натянул перчатки из мягкой телячьей кожи и одернул сюртук.

– Ты бы так и остался виконтом, – фыркнул Донован, – если бы все объяснил или позволил это сделать мне.

Томас сжал губы.

– Не будем об этом.

– Женская честь... – Донован зло фыркнул. – Как будто она заслуживает уважения. Лгунья и мерзавка. Хотя и графиня.

Томас проигнорировал возмущение Донована. Слишком поздно. Он сделал выбор. Даже если тогда он не был виноват, теперь восполнил этот пробел с лихвой. Он соблазнил слишком многих женщин и до, и после Джоанны.

– Давай наконец войдем, – сказал он, решительно отбросив грустные мысли.

Где-то неподалеку зазвонил церковный колокол, отмечая очередной час.

Глава 9

Дворец на Миноритенплац был выбран британцами за его стратегическое расположение в непосредственной близости от резиденций делегаций других великих держав. Это было элегантное строгое здание с серым фасадом, ничуть не похожим на обильно украшенные соседние дома. Резиденция австрийского министра иностранных дел князя Меттерниха располагалась в находившемся неподалеку Хофбургском дворце, где царь Александр имел в своем распоряжении целый этаж, так же как короли Франции и Дании. Король Баварии занял рейхсканцелярию, а французский министр, изворотливый князь Талейран, защищал интересы Франции из дворца Кауниц. Австрийский император руководил всем из великолепного дворца Шенбрунн, расположенного на окраине города и затерявшегося в сотнях акров парков и садов.

– Разве не красиво? – спросила Джулия Доротею, когда они осматривали свои комнаты с высокими потолками, расположенными на втором этаже дворца.

Херувимы с проказливыми улыбками наблюдали из углов комнат за прибытием гостей. Их пухлые щеки сияли золотом. Доротея окинула взглядом скульптуры, проверяя мягкость матраса.

– По крайней мере, они не такие страшные, как горгульи в Париже, – вынесла она вердикт. – Комната называется желтой. Терпеть не могу этот цвет.

– Мы можем поменять покрывало на кровати. Какой цвет ты предпочитаешь?

– Синий, – вздохнула Доротея. – Он нравился моему мужу. – Она провела рукой по своему синему платью. Это было уже существенное отступление от траурных цветов, которые она предпочитала. – Шторы тоже надо поменять. А где твоя спальня, Джулия? Надеюсь, рядом?

– Конечно. Между нашими спальнями только небольшая гостиная и столовая.

Спальня компаньонки была выдержана в мягких светло-зеленых тонах. К ней примыкала гардеробная, из которой предполагалось сделать спальню для Джейми.

Джулия подошла к окну в комнате Доротеи и немного приоткрыла его, впуская прохладный воздух. Из окна открывался прелестный вид на разноцветные черепичные крыши, которые теснились между стенами высоких дворцов и соборов. За ними виднелся красивый парк. Произраставшие повсюду деревья делали город зеленым и дышащим свежестью. Через несколько недель, если делегация все еще будет здесь, город оденется в цвета осени.

Она закрыла глаза и вдохнула венский воздух. Этот город пах листвой с нотками роз и карамели – элегантный запах, очень подходивший этому милому городу.

Джулия обернулась на стук в дверь и открыла ее, впуская процессию ливрейных лакеев, которые несли багаж Доротеи.

– Отнесите сундуки в гардеробную, – велела Джулия. Там уже трудилась горничная, расставляя по местам мелкие вещи.

– Привет, малышка. Значит, тебя приставили к этим скучным английским леди? – по-немецки спросил горничную один из лакеев, войдя в гардеробную.

– Замолчи, Ганс. Ты должен быть осторожнее, – отозвалась горничная, покосившись на Джулию. – А вдруг они говорят по-немецки?

Джулия инстинктивно насторожилась и ничем не показала, что поняла их разговор. Став, по сути, служанкой, она удивилась, насколько бесцеремонно наемные работники обсуждали своих хозяев. Они сплетничали, как самые искушенные светские львицы, и знали намного более опасные секреты. Ей стало интересно, что австрийские слуги скажут о гостях. Если беседа станет слишком смелой, она сможет сделать им выговор на немецком языке. Хотя, кажется, здесь не просто сплетни слуг. Возможно, косые взгляды, которые они бросали

на бумаги, лежащие на столе, или интерес к содержимому сундуков Доротеи подсказали ей, что эти люди не обычные лакеи и горничная.

– С какой стати я должен соблюдать осторожность? – спросил Ганс. – Разве эти женщины такие уж важные персоны? – Он осмотрел гербы на сундуках Доротеи.

– Ну, они не принцессы и не княжны, если ты это имеешь в виду, – объяснила горничная. – Насколько я поняла, эта дама – сестра одного из помощников посла. Так что мне не повезло. Меня обещали приставить к русской принцессе. – Девушка пренебрежительно указала на первый сундук. – Возможно, конечно, мне попадутся элегантные платья или достойные украшения, но это маловероятно. Англичане совершенно не умеют одеваться.

Ганс хихикнул и пощекотал девушку под подбородком.

– Ты не говоришь по-русски, *liebchen*¹. Ты говоришь по-английски. И должна все время держать глаза и уши открытыми. Никогда не знаешь, что эта леди может услышать от своего брата или его коллег и повторить, когда она... Чем английские леди занимаются между балами?

– Вышивают. По крайней мере, я так слышала. Или пишут длинные письма, жалуясь на еду, погоду и скуку. Ганс, я здесь сама с ума сойду от скуки.

– Просто делай свою работу, – сухо проговорил он. – Я буду заниматься тем же. Если услышишь что-нибудь интересное... – Горничная хихикнула.

Джулия посчитала, что с нее достаточно. Дрожащими руками она резко распахнула дверь. Слуги обернулись и в первый момент одарили ее злыми – пожалуй, даже враждебными – взглядами, но потом горничная присела в реверансе, а лакей поклонился.

– Чем могу помочь, миледи? – спросила горничная на английском языке с сильным немецким акцентом.

– Пошлите, пожалуйста, сюда личную горничную леди Доротеи, – распорядилась Джулия по-английски. – А сами можете быть свободны.

Служанка покраснела.

– Но ведь ей понадобится помощь с распаковкой багажа, миледи! – воскликнула она. – Меня для этого и приставили к вам.

Джулия сделала шаг в сторону и молча указала на дверь. Слугам ничего не оставалось, как уйти. Джулия проводила их до двери и прислушалась.

– Думаешь, она поняла, о чем мы говорили? – испуганно спросила горничная.

– Это невозможно, – уверенно ответил лакей. – Английские леди не говорят по-немецки.

– Какой странный язык, тебе не кажется? – сказала Доротея. – Хотела бы я понимать, о чем они говорят. Если они будут нам прислуживать, думаю, надо попросить, чтобы они в нашем присутствии говорили по-английски или вообще молчали. Хорошо, что я привезла с собой Элли. Она знает, что мне надо, без слов. И ты тоже, Джулия. Я так рада, что ты со мной.

Джулия не знала, должна ли предупредить Доротею о необходимости соблюдать осторожность. Она окинула взглядом комнату, похолодев от мысли, что здесь могут быть «глазки» или отдушины и их подслушивают даже сейчас. Милое и приятное место внезапно показалось ей зловещим.

– О, Джулия, где моя шаль? – встревожилась Доротея. – Я, наверное, забыла ее внизу, в салоне, когда мы приехали. Это подарок Стивена! Ты не могла бы найти ее!

– Конечно. Приказать, чтобы принесли чаю?

– Да, пожалуй. – Доротея подошла к окну. – И немного печенья. Как ты думаешь, у них есть печенье?

– Конечно. Вена славится своей сдобой. – Джулия улыбнулась и выскользнула за дверь.

¹ *Liebchen* – милая (нем.).

Весь дворец был наполнен голосами и эхом. Но когда Джулия подошла к главной лестнице и ее каблучки застучали по мраморным ступенькам, внезапно наступила тишина. Джулию охватило беспокойство. Теперь ей казалось, что за ней наблюдают невидимые глаза. Она заставила себя идти спокойно. Выражение ее лица не изменилось.

– Кто она? – тихо спросили по-немецки.

– Да так. Чья-то горничная или компаньонка, – ответил кто-то.

Джулия не подала виду, что слышала или поняла разговор.

Запыхавшись, она подошла к салону, где к моменту их приезда был накрыт стол. Она не постучала, а решительно взялась за медную дверную ручку и открыла причудливо расписанные створки, тянувшиеся от пола до потолка – достаточно, чтобы проскользнуть внутрь, – и сразу плотно закрыла их за собой, оставив неизвестных позади.

– Сомневаюсь, что здешний персонал понимает по-английски, так что нас никто не подслушает, но нам придется соблюдать осторожность с перепиской, – донесся до нее мужской голос.

Джулия с ужасом наблюдала, как виконт Каслри посмотрел на дверь, удивленно взметнул брови и пригвоздил ее к месту острым, словно копье, взглядом.

– Леди Джулия... мисс Лейтон, входите, – сказал он, быстро придя в себя. Его лицо снова стало бесстрастным, все эмоции были спрятаны. Еще двое мужчин, находившиеся с ним в комнате, встали.

Она со страхом узнала лорда Стюарта. Третьим был Стивен. При ее неожиданном появлении он недовольно нахмурился, из чего Джулия сделала вывод, что ворвалась на конфиденциальную встречу. Она потупилась, встретив оценивающий взгляд Чарльза Стюарта. Лорд Каслри тоже наверняка был в курсе лондонского скандала, поскольку считался старым другом ее отца.

Она сделала реверанс.

– Простите меня за вторжение, милорды. Леди Доротея не смогла найти свою шаль и решила, что забыла ее здесь, когда мы пили чай с леди Каслри. Я не думала, что комната занята. – Она огляделась и сразу заметила синюю кашемировую шаль, лежавшую на стуле у дальней стены.

Мужчины молча следили, как она пошла через всю комнату, чтобы взять предмет туалета Доротеи. Шаги по мягкому ковру и шорох платья оглушительно гремели в ее ушах. Она почувствовала страшную неловкость.

Стивен быстро подошел к стулу, взял шаль и передал ей.

– Все в порядке? – тихо спросил он.

– Да, благодарю вас, – ответила Джулия, стиснув пальцами мягкую ткань. Она глубоко вдохнула и тихо заговорила: – Надеюсь, милорд, вы не сочтете меня назойливой, но я невольно подслушала часть вашего разговора. Боюсь, здешний персонал отлично говорит по-английски. Они понимают каждое наше слово.

Стивен уставился на нее с недоверчивым удивлением, но она не отвела глаз.

– Дело в том, что я слышала некоторые их комментарии, и вывод можно было сделать только один.

– В чем дело? – громко спросил лорд Стюарт и подошел ближе. – Вы сказали, что австрийские слуги говорят по-английски?

Джулия с трудом справилась с желанием осмотреть комнату в поисках «глазков» или отдушин, через которые можно подслушивать. Что это: мышьяная норка в гардеробе или просто чье-то ухо, прижавшееся к стене?

– Нет, они говорят по-немецки, – негромко ответила она. – Они считают, что мы их не понимаем, и потому общаются между собой достаточно откровенно...

Стивен удивленно приоткрыл рот.

– Значит, вы говорите по-немецки, – констатировал он. – Так же как и по-французски. Джулия покраснела, но ей на помощь пришел лорд Каслри.

– Ваша бабушка – леди Арабелла Грей, не так ли, миледи?

Джулия взглянула на министра иностранных дел своей страны, главу английской делегации. Это был красивый мужчина и блестящий, хотя и несколько упрямый, политик, если верить оценкам ее отца. Он мало говорил и почти никогда не смеялся. Он и сейчас не улыбался, но его глаза светились интересом.

– Это какой же Грей, «османский»? – требовательно спросил лорд Стюарт.

Джулия слышала, что этот человек не любил сюрпризов – никаких: ни хороших, ни плохих. Он был подвержен вспышкам гнева, если дела шли не так, как он ожидал. Она кивнула.

– Да, лорд Грей создал многие дипломатические протоколы, которые мы продолжаем использовать до сего дня, и даже те, которые будут применяться здесь, в Вене, – задумчиво проговорил лорд Каслри. – Я помню, что однажды встречался с леди Грей, хотя она к этому времени уже второй раз вышла замуж за вашего дедушку и стала графиней Карриндейл. Потрясающая женщина. Беседа с ней доставила мне истинное удовольствие.

Министр смотрел на Джулию с большим интересом, хотя его взгляд затуманили приятные воспоминания. При этом он оставался на другом конце комнаты и сцепил руки за спиной.

Джулия слабо улыбнулась.

– Благодарю вас, милорд. Бабушка была превосходной рассказчицей.

– Это она научила вас немецкому? – спросил лорд Стюарт.

– Нет, но она настояла, чтобы мне наняли опытную гувернантку со знанием языков.

– Вы знаете и другие языки, кроме немецкого и французского? – спросил Каслри.

– Итальянский, немного... – ответила она, чувствуя, что ее кожа начинает гореть под пристальными взглядами трех мужчин. – И еще несколько слов по-арабски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.